U 153/39
v. 1-2

Ц 153/39

Item emp. kl

Augustus

21/5 87 сиб вес 30

2011147412

ПЛУТАРХЪ

ДЛЯ ПРЕКРАСНАГО ПОЛА

И 153/39

или

801-87
8686-1

ЖИЗНЕОПИСАНІЯ ВЕЛИКИХЪ И СЛАВНЫХЪ ЖЕНЪ ВСѢХЪ НАЦІЙ, ДРЕВНИХЪ И НОВЫХЪ ВРЕМЕНЪ.

Сочин. Г. Бланшарда и Проніака.

ЧАСТЬ I.

Изданіе С. и Г.

22.91

МОСКВА.

Въ Университетской Типографіи.

1816.

Печатать дозволяется съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи, до выпуска въ продажу, представлены были въ Цензурный Комитетъ одинъ экземпляръ сей книги для Цензурнаго Комитета, другой для Департамента Министерства просвѣщенія, два экземпляра для Императорской публичной Библіотеки и одинъ для Императорской Академіи Наукъ. Января 24 дня 1816 года. *Ординарный Профессоръ, Надворный Совѣтникъ и Цензоръ Михайло Снегиревъ.*

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Успѣхъ сего сочиненія во Франціи, имѣющаго цѣлію образованіе ума и сердца примѣрами, соотвѣтствовалъ успѣху его и въ Россіи. Почтенный сочинитель *Писемъ Рускаго Офицера* подарилъ насъ переводомъ сей книги, напеч. въ Москвѣ. Кажется, было бы излишнимъ издавать послѣ такого перевода другой; но такъ какъ всякой съ своей стороны смотритъ на предметы и изображаетъ ихъ: по сему самому я осмѣлился выдать, по просьбѣ моего пріятеля Бланшардова Плутарха, коего большая половина переведена была Г. Г — мъ (по сему я не отвѣчаю за переводъ

сей), кромѣ піесъ: *Семирамида*, *Клеопатра*, *Лукреція*, *Лаура*, *Елоиза Дасье*, *Помпадуръ*, *Сен-Ламбертъ*, *Корнаро*, *Пюизье* и пр. Я съ своей стороны отмѣнилъ вопросы и отвѣты, какъ ненужные въ такой книгѣ и осмѣлился прибавить свои преложенія нѣкоторыхъ стиховъ.

Въ одномъ благоучрежденномъ заведеніи благовоспитанныя дѣвицы, занимающіяся подъ моимъ смотрѣніемъ отечественною Словесностію и Исторіею, воспользовались мыслію Гна. Карамзина, который совѣтуетъ „изобразить *Галлерею Россіянокъ*, знаменитыхъ въ Исторіи, или „достойныхъ сей чести (*).“ Юныя Россіянки, пользуясь его Исто-

(*) Сочин. Карамз. Т. IX, стр. 155.

ріею и другими источниками, дѣлали извлеченія, кои послѣ обратились въ ихъ сочиненія; что составило цѣлую книжку, которую онѣ сообщили мнѣ для разсмотрѣнія. Находя достойнымъ ободренія похвальное ихъ желаніе и любовь къ отечественной славѣ, съ нѣкоторыми перемѣнами и прибавленіями я присовокупилъ *сію Галлерею знаменитыхъ Россіянокъ* къ Французскому Плутарху, тѣмъ болѣе, что еще на Рускомъ нѣтъ подобной книги. Если опытъ сей сколько нибудь соотвѣтствуетъ предначертанію знаменитаго Исторіографа, и доставитъ хотя нѣкоторое удовольствіе и занятіе любезнымъ и почтеннымъ читательницамъ: то юныя писательницы и издатель почтутъ себя весьма награжденными.

Безпристрастныя и благонамѣренныя замѣчанія они примутъ съ благодарностію; но желали бы также, чтобы слабый и первый опытъ сей подалъ поводъ къ совершеннѣйшему въ семъ родѣ произведенію, которое доказало бы чужеземцамъ, что Рускіе *умѣютъ и любятъ хвалиться добродѣтелями Рускихъ.*

Издатель.

ЛУТАР
Л ПРЕКРАСНА

СЕМИРАМИ

Древніе Лѣтописатели утв
что въ Ассуріи царствова. ая
Государыня подъ именемъ Семирамиды; однако время ея существованія въ точности не опредѣлено. Нѣкоторые полагаютъ, что она царствовала спустя 50 лѣтъ послѣ Нимврода, правнука Ноева; но достовѣрнѣйшія изслѣдованія подаютъ намъ поводъ думать, что она жила нѣсколькими лѣтами позже, т. е. спустя почти 600 лѣтъ послѣ всемірнаго Потопа. Однакожъ мы и сего предположенія не выдаемъ за справедливѣйшее и ошибъ не хвалимся тѣмъ, будто бы могли мы разсѣять непроницаемой мракъ древней Исторіи свѣтильникомъ истины.

Семирамидъ
...ѣстностію, да...
...еступленію. *Ат...*
...ва изъ знамен...
...ссиріи была первою жр...
...*скалонѣ*, близъ озера Маре-
...бя страстно одного Асси-
...она родила отъ него дочь;
...лась, чтобы слабость ея не
...илась, погубила своего любов-
ника, а плодъ любви своей бросила въ пустынѣ на одномъ утесѣ. Терзаясь угрызеніями совѣсти и не въ силахъ будучи сносить бремя жизни, бросилась она въ глубокое озеро, неподалеку отъ храма. Покинутое ею дитя найдено пастухами, которые его принесли къ *Симмѣ*, главному смотрителю надъ стадами Царскими. Они увѣряли, что будто бы видѣли голубицу, приносящую младенцу сему пищу и осѣняющую его своими крыльями. *Симма*, сжалясь надъ невиннымъ сиротою, приказалъ отнести его къ себѣ въ домъ и назвалъ найденыша *Семирамидою*, что значитъ на Ассирійскомъ

языкѣ *голубъ*. Новый благотворитель оказывалъ сиротѣ всевозможную горячность, прилагалъ стараніе о воспитаніи ея, и наконецъ принялъ ее, вмѣсто родной дочери.

Семирамида, разцвѣтая прелестями своими, обращала на себя всѣхъ взоры. Красота ея, величественный видъ, а болѣе всего рѣдкій умъ, снискали ей всеобщее уваженіе. *Мемнонъ*, Глава верховнаго совѣта *Нинова*, увидя ее у *Симмы* и плѣнясь красотою ея, рѣшился требовать ея руки. Онъ женился на ней — и выборомъ своимъ былъ бы доволенъ: еслибъ красота Семирамиды не плѣнила самаго Нина.

Государь сей, окончивъ великій градъ Ниневію, рѣшился продолжать прежнія свои завоеванія. Извѣстенъ опытомъ, что покушеніе его на *Бактріану* было потому только не удачно, что онъ нападалъ съ малымъ числомъ, собралъ многочисленную армію и осадилъ столицу Бактры. Городъ сей, будучи укрѣпленъ наилучшимъ образомъ и

снабженъ надолго всѣми запасами, защищаемъ былъ *Оксіартомъ*, Царемъ Бактріанскимъ, который рѣшился лучше погребсти себя подъ развалинами своей столицы, чѣмъ уступить оную.

Сіе неожиданное сопротивленіе и затрудненіе осады привели въ отчаяніе нетерпѣливаго Нина, такъ что онъ, къ стыду своему, рѣшился было отступить: какъ вдругъ прибытіе Семирамиды перемѣнило его мысли. *Мемнонъ*, не въ состояніи будучи болѣе жить въ разлукѣ съ возлюбленною своею супругою, писалъ къ ней, чтобы она пріѣхала къ нему въ лагерь. Обрадовавшись сему позволенію и надѣясь блеснуть собою, Семирамида выдумала такое платье, которое, не умаляя ея прелестней, было однакожъ довольно свободно для всѣхъ членодвиженій.

Въ такомъ нарядѣ явилась она въ Ассурійской станъ. Оба супруга были восхищены свиданіемъ послѣ толь долговременной разлуки. Мемнонъ открылъ супругѣ своей, сколь много за-

трудняла Царя упорность осажденныхъ. Тогда Семирамида, нашедши удобный случай къ исполненію предпамѣреннаго ею плана, старалась только проникнуть въ порядокъ осады и обозрѣть положеніе крѣпости. Она тотчасъ увидѣла, что осаждающіе не удачно расположили приступы и нападали съ открытаго поля, гдѣ встрѣчали всегда сильный отпоръ, вмѣсто того, что должно было нападать прямо на цитадель, которая по тому только казалась неприступною, что никто еще не осмѣливался на нее наступать. Сіе замѣчаніе сообщила она Мемнону, которой, познавъ всю справедливость онаго, обѣщалъ доставить ей случай отличиться. И въ самомъ дѣлѣ, онъ выбралъ ей смѣлыхъ и рѣшительныхъ воиновъ, съ которыми она, въ темную ночь, пробралась по крутымъ скаламъ до самой цитадели. Истребивъ передовую стражу, подала она войску условленный знакъ. Нинъ въ туже минуту повелѣлъ всему воинству наступать на крѣпость, а между тѣмъ,

какъ Семирамида, съ высоты цитадели велѣвъ бросать въ городъ огромные каменья и зажигательныя вещества, взошла на стѣны: Ассуріане съ мечами въ рукахъ напали на осажденныхъ, сожгли Царскій дворецъ; *Оксіартъ* палъ мертвъ, а Нинъ провозглашенъ былъ Царемъ всей Бактры.

Нинъ горѣлъ нетерпѣніемъ видѣть героиню, коей одолженъ былъ всею славою сего подвига. Она предстала къ нему въ полувоинской одеждѣ, которая еще болѣе возвышала ея прелести. Государь осыпалъ ее дарами, и съ той же минуты рѣшился предложить еще важнѣйшій изъ всѣхъ даровъ. Въ самомъ дѣлѣ, чрезъ нѣсколько дней, призвавъ ее къ себѣ, открылъ ей свою любовь и почтеніе, которое онъ возымѣлъ къ ней, и въ тоже время предложилъ ей сердце и руку свою. Хотя привязанность Семирамиды къ мужу ея была велика; однако честолюбіе взяло верхъ и она обѣщала повиноваться во всемъ волѣ Государя. Оставалось только согласить му-

жа. Нинъ сдѣлалъ тотчасъ ему предложеніе, выдать за него дочь свою *Соссану* съ великими богатствами и возвести его на блистательнѣйшую степень. Мемнонъ, любя до крайности Семирамиду, ни на что не соглашался, представляя свои заслуги.

Нинъ, не взирая на то, приказалъ ему объявить, что подданный не долженъ ни въ чемъ отказывать своему Государю. Нещастный мужъ, постигнувъ смыслъ словъ сихъ и познавая ясно свое нещастіе, лишилъ себя жизни. По прошествіи нѣсколькихъ дней, въ продолженіи коихъ Семирамида, единственно изъ благопристойности, носила трауръ, сочеталась она торжественно съ Ниномъ и была коронована Ассурійскою Царицею; однакожъ Царь не долго наслаждался своимъ щастіемъ, и умеръ, вскорѣ по рожденіи отъ него сына, названнаго *Нинїясомъ*. Нѣкоторые Семирамиду почитали виновницею смерти Нина; но сія Царица, имъ самимъ назначена бывъ прави-

тельницею Государства и попечительницею малолѣтнаго наслѣдника, прежде всего приступила къ сооруженію великолѣпнѣйшей гробницы послѣднему своему супругу. Сей надгробный памятникъ имѣлъ столь чрезвычайную высоту, что былъ виденъ издалека, даже со стороны Евфрата. Пользуясь заключеннымъ со всѣми сосѣдами миромъ, Семирамида употребляла всѣ средства къ сохраненію тишины внѣ и внутри своихъ владѣній, и въ увѣреніи, что народъ, занятый какимъ ни есть важнымъ предпріятіемъ, не имѣетъ времени тревожить Правительство, — она рѣшилась построить городъ, который обширностію и великолѣпіемъ превосходилъ бы всѣ, до него существовавшіе. Для сего выбрала она то самое мѣсто, гдѣ *Нимродъ* положилъ основаніе городу, которому дано имя *Вавилона*.

Употребляя всѣ средства къ приведенію въ цвѣтущее состояніе новой столицы своей, Семирамида старалась поддерживать торговлю съ сосѣдственны-

ми народами, а особливо съ жителями береговъ Тигра и Евфрата; для большаго же ободренія правителей владѣній, по симъ двумъ рѣкамъ находящихся, она награждала ихъ преимуществами и почестями. Сею Царицею воздвигнутъ памятникъ, причисленный къ семи чудесамъ въ свѣтѣ. Сей памятникъ извѣстенъ подъ названіемъ *обелиска Семирамидина.* Онъ построенъ въ видѣ остроконечной пирамиды, вытесанной изъ одного цѣлаго камня въ горахъ *Армянскихъ* и, по причинѣ чрезмѣрной величины, перевезенъ съ величайшими издержками и трудами до береговъ Евфрата и поставленъ на большой дорогѣ, разстояніемъ на одну милю отъ Вавилона. При всѣхъ попеченіяхъ Семирамиды о благодѣяніи своего народа, нѣкоторые изъ ея подданныхъ не могли воздержаться отъ возмущенія. Однажды, когда она занималась своимъ убранствомъ, извѣстили ей, что нѣсколько вооруженныхъ мятежниковъ приближались къ дворцу. Не смотря на без-

порядокъ своего убора, она тотчасъ вышла въ сопровожденіи своей стражи. Однимъ воззрѣніемъ своимъ обезоружила она возмутителей, которые пали къ ногамъ ея; десятеро изъ виновнѣйшихъ были распяты на крестѣ. По сему-то случаю, въ память ея неустрашимости, воздвигли ей бронзовую статую среди градской площади; она представлена была съ полуубранною головою, съ грознымъ видомъ и съ простертою десницею, какъ бы опредѣляющею казнь преступникамъ. — Между тѣмъ и внѣшній миръ, въ которомъ она поставляла все свое благополучіе, былъ нарушенъ несогласіемъ, возникшимъ между ею и Мидійцами. Царица, видя, что война неизбѣжна, собрала сильныя ополченія и пошла къ Екватану, которымъ и овладѣла. Вскорѣ Египетъ, Мидія и часть Ливіи покорились ея власти. Послѣ сихъ завоеваній, она прошла до Ефіопіи и потомъ, направя путь къ Азіи, возвратилась въ Бактру. Въ семъ-то городѣ собрала она совѣтъ, которому

объявила, что, для утвержденія предѣловъ своего [illegible]ва, намѣрена она окончить [illegible]дъ свой покореніемъ Индіи. Изо всѣхъ Государствъ на земномъ шарѣ, безспорно нѣтъ прекраснѣе Индіи: тамъ земля, орошаемая множествомъ рѣкъ, дважды въ годъ приноситъ жатву щастливымъ обитателямъ своимъ; моръ и гладъ тамъ неизвѣстны. Страна сія изобилуетъ золотыми и серебреными рудниками и драгоцѣнными камнями. Тогда *Страдобадъ* владѣлъ симъ Государствомъ. Услышавъ о приближеніи Семирамиды, Государь сей отправилъ къ ней на встрѣчу пословъ, чрезъ которыхъ объявлялъ, что онъ никакого и никогда не дѣлалъ ей оскорбленія; что она объявила ему несправедливую войну и что онъ предлагаетъ ей постоянный миръ и проситъ ея дружбы. Семирамида отвѣчала ему гордо. Страдобадъ, въ справедливомъ гнѣвѣ своемъ, велѣлъ объявить ей, что если боги даруютъ ему побѣду: то онъ прикажетъ распять ее на крестѣ.

Семирамида приближилась съ войскомъ своимъ къ Инду; тамъ возгорѣлась ужасная битва — и вскорѣ рѣка покрылась трупами съ обѣихъ сторонъ. Воины оказывали чудеса храбрости; но Семирамида, потопивъ большую часть флота Спрадобадова, овладѣла рѣкою и пустилась преслѣдовать Индѣйцовъ, которыхъ великое множество побила и плѣнила.

Спрадобадъ, устрашенный низложеніемъ своимъ, удаляется во внутренность Государства. Тогда Семирамида идетъ за нимъ вслѣдъ и, распространяя всюду страхъ и ужасъ, проницаетъ во внутренность Государства. Спрадобадъ собираетъ войско, возобновляетъ ихъ мужество и вступаетъ въ сраженіе на обширныхъ поляхъ съ Ассуріанами; съ утренней зарею начинается бой. Семирамида сначала одержала было верхъ; но щастіе вдругъ перемѣнилось. Спрадобадъ, увидѣвъ гордую свою непріятельницу, употребляющую всѣ усилія къ остановленію бѣгущихъ войскъ своихъ, идетъ прямо на нее, настигаетъ и

ранитъ копьемъ въ руку. Семирамида узнаетъ его и стремится на него съ мечемъ; Царь пускаетъ въ нее другое копье, которое наноситъ еще большую, противъ прежней, рану; наконецъ убитая подъ нею лошадь вмѣстѣ съ нею падаетъ на землю покрытая кровью и пылью. Она встаетъ; но видя себя стѣсненною множествомъ враговъ, и всѣхъ защитниковъ своихъ вокругъ себя побитыми, устремляется въ бѣгство и достигаетъ моста, чрезъ которой переправлялись ея войска. Тутъ повелѣваетъ она разломать мостъ и устроиваетъ войска свои на другомъ берегу рѣки. Довольствуясь освобожденіемъ своего Государства, Страдобадъ не рѣшился еще нападать на Семирамиду; а для предупрежденія ропота въ войскѣ своемъ, распустилъ слухъ, что будто бы Оракулъ запретилъ ему переходить чрезъ Индъ. Размѣна плѣнниковъ на поляхъ Бактріанскихъ учинена — и съ обѣихъ сторонъ утвержденъ вѣчный миръ.

Утомясь войною, и послѣ сей неудачи возненавидѣвъ завоеванія, Семирамида возвратилась въ свои владѣнія; но здоровье ея было очень разстроено сорокалѣтними трудами и ослаблено многими ранами.

Какъ сіи причины, такъ и открытый вновь заговоръ побудили ее отказаться отъ престола и поручить правленіе Государства сыну своему. Для сего пригласила она во храмъ Белова — великаго первосвященника Магова, Вельможъ и военачальниковъ. Тамъ взойдя на престолъ, объявила она желаніе окончить жизнь свою въ спокойствіи и въ уединеніи и просила собраніе руководствовать сына ея мудрыми совѣтами на трудномъ поприщѣ правленія; потомъ, возложа корону на главу его, вручила ему скипетръ и, поклонившись ему, въ знакъ подданства, до земли, провозгласила его Царемъ. Послѣ сего добровольнаго сложенія съ себя верховной власти, Семирамида удалилась въ уединенный замокъ, на сіе поприщь отъ

Вавилона. Тамъ скончала она славную жизнь свою, ласкаясь надеждою, что по смерти будетъ сопричислена къ богамъ; ибо Оракулъ Юпитера Аммона о томъ пророчествовалъ ей. И дѣйствительно, Ассyріане обожали сію Царицу подъ именемъ Астосты, въ видѣ голубицы.

Она сложила съ себя корону шестидесяти двухъ лѣтъ, по сорока двухъ-лѣтнемъ царствованіи.

САФО.

Знаменитая своими стихотвореніями, любовію и смертію, прославленная и древними и новыми Писателями, Сафо родилась въ Митиленѣ, на островѣ Лесбосѣ и процвѣтала за 600 лѣтъ до Р. Х.; по изяществу въ пѣснопѣніи названа она десятою Музою; отъ нее получили названіе *Сафическія стихи*. Сограждане, почитительные къ ея памяти, изображали ее на монетахъ. Полюбя одного юношу Лесбоскаго, по

имени Фаона, и будучи нещастлива въ своей страсти, Сафо бросилась въ море съ Левкадскаго утеса и погибла въ волнахъ.

Нѣжность, пріятность и плавность ея пѣснопѣній весьма похвалялись. Отъ множества стихотвореній дошли до насъ токмо двѣ піесы, изъ коихъ одну предложимъ здѣсь въ переводѣ знаменитаго пѣснопѣвца нашего *Державина*. Сіи остатки не умаляютъ приписуемыхъ ей древними похвалъ — и въ нихъ видны ясно порывы Генія нещастной пѣвицы Мителенской (*).

Щастливъ! подобишся въ блаженствѣ тотъ богамъ,
Кто близъ тебя сидитъ и по тебѣ вздыхаетъ,
Съ тобой бесѣдуетъ, тебѣ внимаетъ самъ,
И сладкою твоей улыбкой тайно таетъ.

(*) На Русскомъ есть также Стихотворенія Сафы, объясненныя примѣчаніями. Перв. Б. Ак — чь. С. П. Б. 1808. 8.

Я чувствую въ тотъ мигъ, когда тебя
съ нимъ зрю,
Гончайшій огнь и мразъ, изъ жилъ теку-
щій въ жилы,
Въ восторгахъ сладостныхъ вся млѣю,
вся горю,
Ни словъ не нахожу, ни голоса, ни силы;
Уста, темна мгла мой взоръ объемлетъ вкругъ,
Не слышу ничего, не вижу и не знаю,
Въ оцѣпененіи едва дышу — и вдругъ
Лишенна чувствъ, дрожу, блѣднѣю,
умираю.

ЛУКРЕЦІЯ.

Кому не извѣстно едавное имя и злая смерть Лукреціи! Сія женщина не могла пережить своего безчестія, и примѣрнымъ мужествомъ своимъ воспламенила въ душахъ Римлянъ любовь къ отечеству и свободѣ; — сіи чувствованія побудили ихъ разрушить
стопъ Тарквиніевъ и свергнуть съ
[illegible] ихъ рабства, изгнавъ изъ Рима

весь родъ Царскій. Такая жена по справедливости достойна безсмертнаго вѣнца, цѣломудріемъ на нее возложеннаго.

Лукреція родилась въ Римѣ. Отецъ ея Скурій Лукреній былъ знатнымъ человѣкомъ въ семъ городѣ. Обожаема будучи супругомъ своимъ Коллатиномъ, юнымъ Принцемъ изъ рода Тарквиніевъ, проводила она въ Коллаціи спокойно и безмятежно дни свои, какъ вдругъ ужасное злодѣяніе, нарушивъ спокойствіе ея жизни, повергнуло ее во гробъ.

Въ то время, когда Тарквиній Гордый воевалъ съ Рутулами и держалъ въ осадѣ *Ардею*, богатѣйшій въ Италіи городъ: Римляне, утомясь продолжительною осадою, сопровождаемъ осажденныхъ и чрезмѣрными издержками на сію войну, готовы были взбунтоваться — не доставало отважнаго, которой бы поднялъ [illegible]мя мятежа. Во время сей самой осады, сыновья Тарквинія о[illegible]ждь ужинали у Коллатина. Разговоръ зашелъ о женщинахъ. Всяк-

хвалилъ свою супругу; споръ становился жарчѣе. Коллатинъ, для прекращенія онаго, предложилъ сдѣлать повѣрку на самомъ дѣлѣ — посмотрѣть всѣхъ женъ и увѣриться также, какъ онѣ проводятъ время въ отсутствіи мужей своихъ. Предложеніе было принято. Сѣли на лошадей и поскакали въ Римъ. Тарквиніевы сыновья застали женъ своихъ среди шумныхъ забавъ; прибывъ же въ Коллацію поздно уже вечеромъ, нашли Лукрецію въ простомъ платьѣ и въ прелестномъ положеніи, за прялкою. Увидя нечаянно мужа своего, съ восторгомъ любви бросилась она въ его объятія, а сыновьямъ Тарквиніевымъ изъявила приличную сану ихъ учтивость. Они провели ночь въ Коллаціи, а на разсвѣтѣ возвратились въ лагерь вмѣстѣ съ Коллатиномъ, счастію коего они дивились, принуждены будучи уступить ему преимущество и побѣду. Секстъ, старшій Тарквиніевъ сынъ, не могъ равнодушно смотрѣть на Лукрецію. Вмѣсто того, чтобъ потушить возникшую

въ сердцѣ его беззаконную страсть, онъ рѣшился удовлетворить оную ужаснымъ образомъ. Нѣсколько дней сплеталъ онъ злодѣйской умыселъ — наконецъ, тихонько отъ Коллатина и съ однимъ только невольникомъ, поѣхалъ въ Коллацію. Простосердечная и невинная Лукреція, нимало не подозрѣвая никакого злоумышленія, встрѣтила его и приняла какъ Принца и родственника. Въ обхожденіи съ нею показалъ онъ себя весьма осторожнымъ; когда же наступилъ часъ успокоенія, проспился; но вмѣсто того, чтобъ ипи вкусить пріятность сна, онъ ждетъ, пока всѣ въ домѣ уснутъ, и потомъ тихонько прокрадывается въ спальну къ Лукреціи. Онъ подходитъ къ постели, схватываетъ одною рукою цѣломудренную жену, а другою взмахнувъ кинжаломъ, съ угрозою восклицаетъ: *я Секстъ, молчи, или смерть тебѣ!* — Не давъ ей времени опамятоваться, требуетъ отъ нее удовлетворенія своей страсти, обѣщаясь на ней жениться и учинить ее облада-

пельницею Рима, Лаціи, Етруріи и всѣхъ странъ, ощу его подвластныхъ. Но видя, что на всѣ предложенія его отвѣчаетъ она единымъ презрѣніемъ, онъ грозитъ ей постыдною смертію, говоря, что пронзитъ ей грудь и тѣмъ же орудіемъ поразитъ раба, котораго положитъ подлѣ нее — и такимъ образомъ оправдаетъ предъ свѣтомъ свое преступленіе, обвиняя, что засталъ ее лежащею съ рабомъ на одномъ ложѣ. Лукреція оцѣпенѣла отъ ужаса; Секстъ пользуется сею минутою — и въ безстыдномъ торжествѣ возвращается въ Римъ.

Тотчасъ, по отшествіи его, Лукреція, пришедши въ себя, посылаетъ гонца къ родителю своему и другаго къ мужу, прося ихъ пріѣхать скорѣе съ двумя вѣрными друзьями. Спурій Лукреціи, въ сопровожденіи Публія Валерія, Коллатина и Юнія Брута, пріѣзжаетъ въ Коллацію. Опечаленная Лукреція, бросясь къ ногамъ своего родителя и супруга, вопіетъ къ нимъ въ слезахъ: „Отмстите злодѣю, помрачившему

му честь мою!" Лукрецій и Коллатинъ, не понимая словъ ея, просятъ ее изъясниться. Лукреція, собравъ остатки силъ своихъ и разсказавъ о злодѣяніи, опять молитъ объ отмщеніи. Всѣ единогласно клянутся исполнить ея требованіе, упрашивая ее успокоить волненіе чувствъ своихъ. На всѣ ихъ прозьбы Лукреція отвѣчала только: „Не хочу, чтобъ впредь какая либо Римлянка, ссылаясь на меня, помыслила, что можно пережить свое безчестіе: я увѣрена въ моей невинности; но чтобы увѣрить въ томъ цѣлой свѣтъ, да не дерзнетъ ни вы, ни потомство омрачать несправедливостію память мою — я сама себя предаю смерти." При сихъ словахъ, выхвативъ скрытый въ платьѣ кинжалъ, поражаетъ себя въ грудь — и падаетъ бездыханна къ ногамъ ихъ.

Лукрецій и Коллатинъ тщетно спарающися возвратить ей жизнь. Юній Брутъ, который до тѣхъ поръ притворялся безумнымъ при дворѣ Тарквинія, исторгаетъ изъ груди цѣло-

мудренной, еще дымящійся въ крови кинжалъ и съ яростію восклицаетъ: „клянусь сею кровію цѣломудреннѣйшей и добродѣтельнѣйшей супруги, клянусь питать вѣчную вражду къ Тарквинію, къ безчеловѣчной его женѣ (*), ко всему ненавистному его роду: да угаснетъ мщеніе мое токмо съ жизнію моею — не потерплю, чтобъ отечество мое стенало подъ игомъ тирановъ!“ Потомъ, обратясь къ Лукрецію, Коллатину и Валерію, заставилъ ихъ также поклясться въ отмщеніи. Примѣромъ своимъ одушевилъ онъ многихъ.

Немедленно Брутъ приноситъ тѣло Лукреціи на площадь народную. Народъ сбирается вокругъ сей жертвы Тарквиніевой, раздается громкій ропотъ негодованія. Брутъ, пользуясь волненіемъ умовъ, вооружаетъ юношество и, неся на раменахъ тѣло Лукре-

(*) Она проѣхала колесницею по тѣлу своего отца.

дія, предшествуетъ ополченнымъ, вступаетъ въ Римъ — и тамъ, принявъ отъ Римлянъ клятву изгнать тирановъ, изгоняетъ ихъ.

Спустя нѣсколько времени Секстъ получилъ достойное себѣ возмездіе: онъ убитъ жителями Габія за жестокія его поступки.

КЛЕОПАТРА.

Клеопатра, дочь Птоломея Авлета, Царя Египетскаго, по смерти коего вступила на престолъ совокупно съ браномъ своимъ Птоломеемъ Діонисіемъ, за 51 годъ до Р. Христова. Сія женщина, славная и по красотѣ своей и смерти, любила двухъ надменныхъ соперниковъ, споривщихъ о владычествованіи надъ Римомъ — Юлія Цесаря и Марка Антонія.

Прежде нежели Клеопатра начала царствовать одна, нѣкто Поплій, бывшій въ великой силѣ при Дворѣ, успѣлъ выгнать ее изъ Александріи. Цесарь, приставъ къ сему городу, отправилъ

тихонько одного вѣрнаго человѣка къ Царицѣ, съ прозьбою чтобы она увидѣлась съ нимъ безъ замедленія. Тотчасъ сѣла она въ челнокъ съ другомъ своимъ, Аполлодоромъ Сицилійскимъ, и прибыла въ глубокую полночь къ стѣнамъ Александрійскимъ; но страшась, чтобъ ее не узнали, употребила слѣдующую хитрость: спрятавшись въ связку одежды, она перенесена была на плечахъ проводникомъ во дворецъ Цесаря. Сія хитрость, обнаружившая умъ Клеопатры, усилила въ немъ склонность, которую онъ и прежде къ ней чувствовалъ. Онъ учинился посредникомъ въ ссорѣ съ братомъ ее, который, сдѣлавъ неудачный заговоръ противъ него, принужденъ былъ бѣжать, и скрываясь отъ его мщенія, утонулъ. Тогда Клеопатра овладѣла престоломъ Египетскимъ, а Цесарь отправился въ Сирію.

Мятежи, колебавшіе Римъ, подали поводъ обвинить Клеопатру въ томъ, что будто она тайно помогала Кассію и Бруту въ войнѣ ихъ

тикъ Антонія. Сей велѣлъ сказать Клеопатрѣ, чтобы она пріѣхала къ нему въ Киликію, отдать отчетъ въ своемъ поведеніи и принести оправданіе въ приписываемомъ ей преступленіи. Царица сія, полагаясь на могущество своихъ прелестей, отправилась по рѣкѣ Киднѣ, со всѣмъ великолѣпіемъ и пышностію. Парусы на кораблѣ ея были пурпуровые, корма золотая, а весла серебреныя, движимыя при звукѣ лиръ, свирѣлей и флейтъ. Царица въ великолѣпномъ нарядѣ, въ каковомъ изображаютъ Венеру, возлежала подъ великолѣпнымъ навѣсомъ, вышитымъ золотомъ; дѣти представлявшія собою амуровъ, вѣяли на нее опахалами. Женщины отмѣнной красоты, одѣтыя наподобіе Нереидъ и Грацій, сидѣли однѣ на кормѣ, а другія по бокамъ. Берега исполнены были благовоній мастикъ, курившихся на кораблѣ семъ.

Сіе чудесное соединеніе прелестей красотъ съ великолѣпіемъ произвело тоніемъ такое дѣйствіе, ка-

кого ожидала Клеопатра — и судія, забывъ всё свое достоинство, палъ къ стопамъ обвиненной. Великолѣпное пиршество съ блистательнымъ торжествомъ окончали сей день — и съ сего времени Антоній сдѣлался рабомъ Египтянки.

Въ примѣръ разточительности сей Царицы приводятъ, что она спорила однажды съ Антоніемъ о томъ, что болѣе истратитъ на одну рюмку питья, чѣмъ онъ на все пиршество. Она вынула изъ серги своей жемчужину несравненной красоты и величины и, растустя оную въ уксусѣ, выпила. Она хотѣла уже взять другую жемчужину, но Антоній удержалъ ее, признавъ себя побѣжденнымъ.

Клеопатра не одною красотою и прелестями плѣнила сердце Антонія, — сладость ея бесѣды, пріятность обращенія, къ которому присоединяла она много искусства, наложили на него цѣпи, въ коихъ Царица сія умѣла его держать. Она предупреждала его склонности, дѣлила съ

нимъ всѣ удовольствія и пользовалась всякимъ случаемъ, чтобы польстить его честолюбію. Однажды удила она рыбу; Антоній, которой долго ничего не могъ поймать, начиналъ уже сердиться; потому что Клеопатра была свидѣтельницею его неудачи. Для сего приказалъ онъ одному водолазу подплыть къ его удѣ и прицѣпить къ оной большую рыбу. Повелѣніе было исполнено. Антоній два или три раза вытаскивалъ большихъ рыбъ. Клеопатра, замѣтивъ обманъ, притворно поздравляла Антонія съ щастливымъ успѣхомъ, вознамѣрясь между тѣмъ отплатить ему тѣмъ же на другой день. И такъ, она приказала рыбаку прицѣпить къ удѣ Антонія большую соленую рыбу. Антоній, чувствуя тягость на удѣ, обрадовался — и, въ чаяніи славной добычи, выщатилъ поспѣшно уду; но, къ великому удивленію своему, увидѣлъ, что надъ нимъ также подшутили. Едва было онъ не разсердился, но Клеопатра предупредила гнѣвъ его сими словами:

„Военачальникъ! оставь уду жен-
„щинамъ: твоя охота есть вой-
„на; тебѣ не рыбу ловить, а плѣнять
„города, Царства и Царей.“ Сія хит-
рая и льстивая похвала смягчила серд-
це Римлянина.

Однакожъ въ послѣдствіи Царица
сія томилась печалію, почитая себя
оставленною своимъ любезнымъ Анто-
ніемъ, которой, примирясь съ Окта-
віемъ, женился на сестрѣ его, съ
коею жилъ довольно долгое время въ
хорошемъ согласіи. Но въ продол-
женіи войны съ Парфами, перейдя въ
Азію, Антоній вспомнилъ о Клеопат-
рѣ, увидѣлся съ нею и снова возло-
жилъ на себя оковы, отъ которыхъ
освободила его только смерть.

Послѣ роковой для Антонія битвы
при Акційскомъ перешейкѣ, Клеопатра
провѣдавъ о походѣ Августа въ Алек-
сандрію, изыскивала всѣ средства у-
крыть себя отъ своенравія фортуны.
Для сего собрала она разныхъ родовъ
яды; но чтобы узнать, которой изъ
нихъ меньше причиняетъ мученія, испы-

нывала дѣйствіе оныхъ надъ преступниками, осужденными на смерть. Изъ сихъ опытовъ узнала она, что крѣпкіе яды причиняли смерть скоропостижную, но сопровождаемую нестерпимою болью, а слабѣйшіе дѣлали несравненно меньше мученій.

Наконецъ удостовѣрясь, что угрызеніе аспида не причиняло ни судорогъ, ни терзаній, а только погружало въ нѣкое усыпленіе, сопровождаемое легкимъ въ лицѣ жаромъ и тихо гасило пламень жизни — рѣшилась, въ случаѣ нужды, прибѣгнуть къ сему средству. Она приказала воздвигнуть близъ храма Изидина великолѣпную гробницу и черноги, удивительные по своему изяществу и возвышенности, повелѣла туда перенести всѣ свои драгоцѣнныя сокровища и убранства и сверхъ сего множество факеловъ и паклы. Августъ, не равнодушнымъ окомъ взиравшій на собраніе толикихъ сокровищъ и опасаясь, чтобы Клеопатра, въ своемъ отчаяніи, не предала всего на жертву пламени, чѣ-

сколько разъ посылалъ къ ней съ увѣреніемъ, что ей ничего не должно ожидать худаго, кромѣ человѣколюбиваго снисхожденія.

Въ сей-то гробницѣ сокрылась Клеопатра, приказавъ заранѣе оградить и укрѣпить входъ въ оную. Она велѣла сказать Антонію, что ее нѣтъ уже на свѣтѣ. Антоній, повѣривъ сему извѣстію, пронзилъ себя мечемъ. Но какъ сія рана не могла причинить ему скорой смерти: то Клеопатра послала къ нему одного придворнаго, по имени Діомида, съ приказаніемъ перенести его въ туже самую гробницу, гдѣ она находилась. Увидѣвъ Антонія, растерзала она свои одежды, ударяла себя въ лице и грудь — и послѣдній вздохъ его приняла въ свои объятія.

Августъ, узнавъ о смерти Антоніевой, послалъ Прокулея въ Александрію, повелѣвъ ему взять Клеопатру. Царица сія отказалась предаться въ руки посланнаго, не пустила его въ гробницу. Свиданіе ихъ кончилось про-

долженительнымъ разговоромъ сквозь отверстіе, сдѣланное въ крѣпко запертой двери. Прокулей, замѣтивъ хорошо мѣстоположеніе, донесъ объ этомъ Августу, которой тотчасъ далъ приказаніе Галлу итти опять къ Клеопатрѣ для переговоровъ. Сей посланный, остановясь, подобно Прокулею, у входа, вступилъ въ разговоръ съ Царицею и, нарочно продолживъ оный, далъ время Прокулею приставить лѣстницу къ окну и войти въ оное съ двумя воинами.

Одна изъ женщинъ, бывшихъ при Царицѣ, увидя воиновъ, воскликнула съ ужасомъ: „*Нещастная Клеопатра! ты погибаешь!*“ При семъ восклицаніи, Царица оборотясь, видитъ Прокулея, схватываетъ кинжалъ, которой она всегда носила за поясомъ, и хочетъ себя пронзить; но Прокулей, бросившись къ ней, вырываетъ у ней кинжалъ.

Съ сего часа Царица находилась подъ надзоромъ. Чрезъ нѣсколько времени, пришелъ самъ Августъ ее на-

вѣстить, и тѣмъ доставилъ ей нѣкоторое утѣшеніе. Онъ нашелъ ее лежащею на простомъ ложѣ, въ самомъ жалкомъ и растроенномъ положеніи.

Увидѣвъ Августа, Клеопатра, обезображенная скорбію, съ распущенными власами, съ окровавленнымъ и дикимъ лицемъ, бросилась къ ногамъ его, испуская горестные вопли и раздирая грудь свою. При всемъ томъ, природная красота ея и величавость, ея прелести, содѣлывали ее жалкою и плѣнительною.

Августъ, успокоивъ сію отчаянную, сѣлъ подлѣ ея постели. Тутъ стала она оправдываться, увѣряя, что, находясь въ необходимости и опасаясь Антонія, принуждена была во всемъ ему покорствовать. Но видя, что Августъ останавливалъ ее на каждомъ словѣ и уличалъ въ несправедливости она перемѣнила рѣчь — и самыми убѣдительными прозьбами старалась возбудить въ немъ состраданіе, какъ буд-

то бы единственнымъ благомъ почитала продолженіе жизни своей.

Августъ восхищался, внимая прозьбамъ ея, почитая ихъ внушенными ей привязанностію къ жизни. Онъ увѣрялъ ее, что, сколько можно ему будетъ, постарается облегчить и даже ощастливить ея жребій; потомъ удалился, думая, что обманулъ Клеопатру, но, въ самомъ дѣлѣ, былъ самъ обманутъ.

Между тѣмъ провѣдала она, что Августъ располагался возвратиться чрезъ Сурію въ Римъ, а ее, чрезъ три дни, отправить впередъ; она испросила позволеніе, на гробѣ Антоніевомъ исполнить послѣдній долгъ поминовенія, что ей и дозволено было. Совершивъ изліянія, увѣнчавъ цвѣтами гробъ и въ послѣдній разъ облобызавъ прахъ Антонія, повелѣла она приготовить себѣ баню, послѣ которой возсѣла за великолѣпный столъ. При концѣ стола, пришелъ поселянинъ съ корзинкою въ рукахъ. На вопросъ стражей, что онъ несетъ, поселянинъ открылъ

корзинку, снялъ листья и показалъ свѣжія винныя ягоды, съ улыбкою подчивалъ ими воиновъ: такая смѣлость и непритворная простота истребили всякое подозрѣніе. Его впустили.

Послѣ обѣда Клеопатра писала къ Августу и, запечатавъ письмо, отправила къ нему; потомъ выславъ всѣхъ изъ комнаты, кромѣ двухъ женщинъ, заперла двери.

Тогда открыла она принесенную корзинку, изъ которой выползъ аспидъ и ужалилъ ее въ руку. Смерть ея была весьма скоропостижна; ибо Августъ, получивъ письмо, въ которомъ Клеопатра усильно просила его, не разлучать ее съ Антоніемъ, тотчасъ послалъ освѣдомиться, что съ нею сдѣлалось. Дверь была отворена, и Царица уже мертвая, въ драгоцѣнной одеждѣ, возлежала на позлащенномъ ложѣ.

Сколь Августъ ни былъ раздраженъ ея кончиною; однакожъ дивился величію духа сей Царицы и по-

велѣлъ похоронить ее въ одной съ Антоніемъ гробницѣ.

Клеопатра, умершая 39 лѣтъ, царствовала 22 года и прожила съ Антоніемъ 14 лѣтъ. Династія Птоломеевъ, существовавшая въ продолженіи трехъ вѣковъ, пресѣклась кончиною нещастной Клеопатры — и Египетъ обращенъ былъ въ Римскую провинцію.

Смерть Клеопатры изображаема была живописцами, ваятелями и стихотворцами.

АГРИППИНА.

Агриппина, дочь Германика и Юліи Агриппины, родилась въ городѣ Убійскомъ, тогда называемомъ Colonia Agrippina, а нынѣ Кельнъ. Первый ея супругъ былъ Домицій Агенобарбъ, съ которымъ прижила она Нерона; потомъ вышла она за Криспа Поссену, оратора, которой дважды былъ Консуломъ.

По смерти Криспа, честолюбивая Агриппина простерла свои виды на Императора Клавдія, его дядю; будучи собою весьма хороша, она умѣла его обольстить до того, что онъ согласился дать ей руку.

Сдѣлавъ первый шагъ сей, она помышляла исполнить свое главное намѣреніе, состоявшее въ томъ, чтобы возвести на престолъ сына своего Нерона; но сіе было весьма трудно: ибо Клавдій имѣлъ сына, которому принадлежало право на царство. Однако Агриппина успѣла Нерона женить на дочери Клавдія и вскорѣ предоставить ему верховную власть. Клавдій, при концѣ дней своихъ видя, что онъ обманутъ Агриппиною жалѣлъ о своемъ сынѣ обиженномъ. Императрица утишила сіи жалобы, сокративъ дни сего нѣжнаго, но слабаго родителя. По совершеніи сего злодѣянія, Агриппина совѣтовалась съ Оракулами о своемъ жребіи; они отвѣчали ей, что собственной сынъ ея умертвитъ ее. *Пустъ онъ будетъ*

матереубійцею, отвѣчала она, *толькобъ онъ былъ Царемъ.*

Въ продолженіи первыхъ лѣтъ царствованія своего, Неронъ оказывалъ ей почтеніе и всю должную признательность и даже допускалъ ее распоряжать правленіемъ; но какъ скоро захотѣла она ограничить его желанія, то онъ далъ ей почувствовать власть свою. Сей Государь влюбился въ Поппею, супругу Отонову, и вознамѣрясь на ней жениться, рѣшился развестись съ Октавіею. Агриппина изыскивала всѣ средства, чтобы отвратить сына своего отъ сего намѣренія, но жестокосердый сынъ, раздраженный ея сопротивленіемъ, поклялся ее умертвить — и поручилъ одному придворному, по имени Тигеллію, къ которому онъ имѣлъ большую довѣренность, совершить сіе ужасное злодѣяніе.

Для избѣжанія всякаго подозрѣнія, Тигеллій совѣтовалъ Нерону приказать построить галеру, у которой бы корма сдѣлана была такъ, чтобы каюта

на кормѣ вдругъ обломилась и потопила въ морѣ Агриппину; что не подастъ причины никого винить въ подобномъ приключеніи.

Неронъ, восхищаясь злодѣйскою изобрѣтательностію Тигеллія, поручилъ ему немедленно построить такковую галеру; а чтобы лучше обмануть Агриппину, удвоилъ къ ней свои ласки. Какъ скоро галера была кончана, велѣлъ онъ провести оную къ Боламъ (увеселительному дворцу на берегу моря), куда поѣхалъ на пять дней для отправленія празднества въ честь Матери боговъ. Оттуда писалъ онъ къ Агриппинѣ убѣдительнѣйшее письмо, прося ее пріѣхать къ нему для участвованія въ веселостяхъ.

Восхищена будучи любовію, которую изъявилъ ей сынъ ея, Агриппина приняла сіе приглашеніе. Неронъ воздалъ ей всѣ возможныя почести и даже за столомъ посадилъ ее выше себя. Пированіе продолжалось до самой ночи. Агриппина изъявила желаніе ѣхать

ночевать въ Баи — разстояніемъ на два поприща отъ Боловъ. Неронъ, видя сколь благопріятной случай для своихъ злодѣйскихъ умысловъ, совѣтуетъ матери своей отправиться моремъ. Тогда же погода была прекрасная и луна въ полномъ сіяніи своемъ. Агриппина согласилась на ето; Неронъ, принявъ на себя видъ почтительнаго сына, проводилъ ее до самыхъ дверей своего дворца, обнималъ ее съ нѣжностію, такъ что сіе могло разсѣять малѣйшее безпокойство и подозрѣніе.

Вотъ Агриппина уже на роковой галерѣ. Лишь только отчалили отъ берега на нѣкоторое разстояніе, какъ споспѣшники Нероновыхъ злоумышленій даютъ сигналъ. Однако корма не такъ скоро обламывается, будучи тверже прикрѣплена къ галерѣ, нежели какъ думали; тщетно употребляютъ всѣ усилія къ достиженію своей цѣли: дѣлается смятеніе между пассажирами — и галера разваливается тихо уже близъ самаго берега.

Принуждены будучи броситься въ воду, Агриппина и спутница ея Ацераннія щастливо доспигли до самаго берега. Послѣдняя, думая скорѣе и вѣрнѣе найти себѣ спасеніе, выдала себя за Императрицу; но хитрость сія стоила ей жизни и спасла Императрицу, которая, легко будучи ранена, нашла лодку у рыбаковъ, проводившихъ ее въ Баи.

Опасность, какой она была подвержена, возбудила въ душѣ ея горестныя размышленія. Однако она, перевязавъ рану, легла въ постелю.

Неронъ, узнавъ о худомъ успѣхѣ своего предпріятія — и страшась, чтобы мать его, не усомнясь въ ударѣ, его рукою нанесенномъ, не стала бы ему мстить — былъ объятъ смертнымъ страхомъ; но злодѣйскіе совѣты Тигеллія подвигли его рѣшиться на послѣднее: онъ далъ письменное повелѣніе Аницету немедленно умертвить Агриппину. Жилище Императрицы было тотчасъ окружено; убійцы разламываютъ двери

и прямо входятъ въ ея комнату. При первомъ шумѣ, устрашенныя женщины разбѣжались. Агриппина, видя, что послѣдній часъ ее приближается, встала и сѣла на постелю — и вошедшему съ Прокуломъ и другимъ убійцею Аницету сказала: „Если вы при„шли узнать о здоровьѣ моемъ: то „можете сказать сыну моему, что я „здорова; а еслижъ пришли убить ме„ня: то не повѣрю, чтобъ сынъ мой „отважился быть матереубійцею.“

Лишь только скончала она сіи слова, какъ постеля ея окружена была тремя убійцами: Прокулъ ударилъ ее палкою по головѣ — Аницѐтъ приготовился пронзить ее мечемъ. Агриппина взглянувъ на него съ гордостію сказала: „Рази сіе чрево, и нака„жи его за то, что носило „Нерона.“ Осыпана будучи многими ударами, она скончалась, облившись своею кровію.

Сколько размышленія возбуждаютъ подобныя произшествія! и какъ

щастливы тѣ, которые не обращаются на томъ позорищѣ, на коемъ великія преступленія кажутся обыкновенными произшествіями! Щастливая неизвѣстность, сколь ты предпочтительна величію въ хижинахъ, гдѣ, подъ соломеннымъ кровомъ, любовь и почтеніе дѣтей къ родителямъ основали свое святилище! Тамъ старецъ, согбенный подъ тягостію лѣтъ, шестидесятилѣтняя мать получаютъ нѣжныя ласки отъ своего признательнаго семейства; тамъ они безъ страха и недовѣрчивости ожидаютъ той минуты, когда естественная смерть закроетъ имъ вѣжди; но въ великолѣпныхъ чертогахъ, подозрѣніе, мстительность, политическія выгоды разрываютъ священныя узы — и человѣкъ, которой — если бы жребій поставилъ его въ семъ щастливомъ состояніи, въ коемъ невѣдома гибельная страсть честолюбія — былъ бы лучшимъ сыномъ, дѣлается иногда чудовищемъ, врагомъ ближнихъ — нано-

ситъ убійственную руку на родшихъ его.

ФРЕДЕГОНДА.

Если ужаснѣйшія злодѣянія могутъ также почтены быть правомъ на безсмертіе: то кто больше Фредегонды могъ оное приобрѣсти? Женщина сія, возведенная на престолъ не по достоинству природы, поддерживала себя на ономъ однѣми злодѣяніями. Она родилась въ Пикардіи, въ деревнѣ Гонне-курпъ и была вовсе неизвѣстнаго рода. Шильперикъ, Король Французскій, съ перваго взгляду прельстился ею; красота ея оковала природное его непостоянство.

На первой разъ Фредегонда немедленно удалила двухъ первыхъ Королевскихъ женъ, Одоверну и Гальзонму; иные говорятъ, что она приказала ихъ умертвить. Хладнокровіе, съ какимъ она отвергала сіе обвиненіе, ясно доказало, что она готова всемъ

жертвовать своему честолюбію и мщенію.

Родясь со всѣми способностями къ управленію Государствомъ, Фредегонда предоставила беззаботному Шильперику одно токмо имя Монарха, а всѣми важнѣйшими дѣлами сама распоряжала.

Сижибертъ, Государь Австразійскій, угрожалъ близкимъ вторженіемъ во владѣнія Короля Французскаго. Фредегонда, для избавленія себя отъ толь опаснаго врага, нашла двухъ молодыхъ людей изъ Торуенна, которые рѣшились итти въ лагерь Сижиберта и его закололи. Слова Фредегонды къ убійцамъ, при отправленіи ихъ, внушаютъ ужасное отвращеніе. „Если вамъ удастся," говорила она: „положитесь на мою благодарность; если же вы погибнете: то подаянія, которыя сдѣлаю я въ церкви и монастыри, отверзутъ вамъ путь къ небу."

Жена Сижибертова Брюнегонта съ давняго времени питала въ душѣ своей сильнѣйшую къ Фредегондѣ ненависть;

убіенїе супруга ея еще болѣше оную воспламенило. Она сдѣлалась плѣнницею Шильперика; одинъ изъ сыновей сего Государя, по имени Меровей, влюбившись въ нее, женился на ней въ Руанѣ. Взбѣшенный Шильперикъ немедленно отправился въ сей городъ. Нещастные супруги скрылись въ церковь — и Шильперикъ, попиравшій божественные и человѣческіе законы, не смѣлъ однакожъ ихъ принудить выйти изъ сего убѣжища — и употребилъ лесть и ложныя обѣщанія, чтобы заманить ихъ въ свои руки. Успѣвъ въ томъ, онъ велѣлъ ельна своего обрить и заключить въ монастырь. Однако Меровей нашелъ средство оттуда убѣжать. Фредегонда, дьяна ненавистію и мщеніемъ, преслѣдовала его всюду — и наконецъ сей нещастный умерщвленъ былъ предъ глазами своего родителя.

Какъ скоро Шильперикъ освободился отъ Сижиберта: то немедленно спалъ токмо помышлять о собираніи богатствъ; для достиженія сей цѣли, онъ не спрашился своихъ нещастныхъ

поддавныхъ обременять налогами. Тогда во всемъ Царствѣ его раздавались вопли ропота — народъ въ праведномъ негодованіи грозилъ мятежемъ. Въ семъ затруднительномъ положеніи, Фредегонда воспользовалась нѣкоторыми небеснымъ явленіями, для убѣжденія супруга своего въ томъ, что Богъ накажетъ его за угнѣтеніе вдовъ и сиротъ — и такимъ образомъ она успѣла принудить его сжечь вѣдомости о новыхъ налогахъ; но праведное Небо не удовлетворилось сею жертвою: трое сыновей Фредегонды погибли отъ мороваго повѣтрія.

Царица сія весьма огорчена была сею потерей, чувствуя, что ей не останется никакой подпоры, если смерть похититъ и Шильперика, у коего оставался еще сынъ отъ первыя супруги, Одоверы. Сей сынъ назывался Кловисъ и былъ уже двадцати пяти лѣтъ; но, по нещастію, сказалъ онъ однажды неосторожно, что когда взойдетъ на престолъ: то отмститъ Фредегондѣ. Искусившись въ

злодѣйскихъ замыслахъ, она не преминула обвинить его предъ Шильперикомъ въ сообществѣ съ волшебницею, съ которою, посредствомъ чародѣйствъ, будто бы онъ причинилъ смерть его дѣтямъ. Волшебница была взята и при допросѣ призналась во всемъ, чего имъ хотѣли. Шильперикъ предалъ сына своего во власть свирѣпой Фредегонды, которая, обременивъ его оковами, заключила въ мрачную темницу. Спустя нѣсколько времени, онъ былъ, по ея повелѣнію, перевезенъ въ замокъ Нуаси на Марнѣ, гдѣ и найденъ зарѣзаннымъ.

Фредегонда, не упускавшая никакого случая для обезпечиванія себя самой, вошла въ союзъ съ Шильдебертомъ, Королемъ Австразійскимъ, наслѣдникомъ Сижибертовымъ. Въ 582 году возблисталъ было ей лучь надежды, но быстро исчезъ, какъ молнія. Она родила сына, который вскорѣ послѣ рожденія своего — и умеръ. Два года спустя, она произвела на свѣтъ Клотарія. Всѣ ея желанія свершились

и радость ея была чрезвычайная; но бѣдственное приключеніе повергло ее въ уныніе и печаль: Шильперикъ, возвращаясь съ охоты, былъ убитъ въ одномъ дворцѣ своемъ, близъ Шелля.

Враги Фредегонды не преминули ее обвинить и въ семъ злодѣяніи; но такъ какъ оно было ей болѣе предосудительно, нежели полезно: то и не льзя ее въ ономъ подозрѣвать.

По смерти Шильперика, всѣ противники ея возгордились и возстали противъ нее; гоненія ихъ содѣлались для нее толь опасными, такъ что она принуждена была убѣжать въ соборную Парижскую церковь, которая почиталась тогда ненарушимымъ убѣжищемъ. Въ продолженіи сего времени Гонтранъ, братъ Шильпериковъ, овладѣлъ всѣмъ Государствомъ и управлялъ онымъ съ неограниченною властію.

Вельможи и народъ требовали настоятельно смерти Фредегонды, и она непремѣнно бъ погибла, еслибъ ге-

ній ея не внушилъ ей средствъ освободиться отъ сей напасти. Въ семъ случаѣ отнеслась она прямо къ Гонтрану и такое въ немъ возбудила состраданіе къ себѣ и Клотарію, что онъ согласился своего племянника воспринять отъ купели; что тогда почиталось величайшею милостію.

Мщеніе, будучи господствующею страстію Фредегонды, привело ей на память врага ея Претекстата, который, послѣ смерти Шильперика, нашелъ средство опять занять свое мѣсто. Она велѣла его зоколоть въ день Св. Пасхи 586 года, въ самой церкви, изъ коей вынесли его обагреннаго кровію. Лютая Царица, искусная въ притворствахъ, поставила для себя удовольствіемъ присутствовать при его кончинѣ и до того простерла свое притворство, что сожалѣла объ немъ и подавала всякую помощь, какая могла быть ему нужна. Прелатъ, проникая обманчивое ея состраданіе, осыпалъ ее жестокими укоризнами. Одинъ Вельможа Француз-

ский, бывшій при семъ зрѣлищѣ, дерзнулъ сказать Фредегондѣ, что кромѣ ея не кому свершить столь ужаснаго злодѣянія; но его смѣлость дорого ему стоила: Царица, скрывъ свое негодованіе, отправила его въ пиршѣ.

Сія свирѣпая женщина ежедневно совершала новыя злодѣянія; наконецъ лишилась Гонтрана, своего покровителя. Однако она не потеряла присутствія духа отъ сей потери и взяла сама бразды правленія именемъ девятилѣтняго своего сына.

Одинъ Шильдеберть казался ей опаснымъ; привыкнувъ побѣждать всѣ препятствія, она довела его до рѣшительной битвы близъ Суассона. Военная хитрость и внушенная Фредегондою храбрость войскамъ ея, преклонили побѣду на ея сторону — и Шильдеберть былъ совершенно разбитъ.

Сей Государь отъ стыда, что побѣжденъ былъ женщиною, и отчаянія умеръ, оставивъ послѣ себя двухъ малолѣтныхъ дѣтей, во время дѣтства коихъ управляла Государствомъ

Брюнегольта. Сія Государыня и Фредегонда, питая издавна другъ къ другу ненависть, возобновили войну съ невѣроятною люстостію. Фортуна продолжала благопріятствовать Фредегондѣ; а Брюнегольта при Лашофао, что между Суассономъ и Лаонесомъ, претерпѣла совершенное пораженіе; однако Фредегонда не долго наслаждалась симъ тріумфомъ — и, спустя нѣсколько времени, умерла въ Парижѣ, на пятьдесятомъ году отъ своего рожденія. Тѣло ея погребено въ церкви Св. Викентія (что нынѣ Saint - Germain - des-Pres). До Революціи видна была статуя и гробница сей Государыни, которая, будучи искусна въ управленіи Государствомъ, помрачила блескъ нѣкоторыхъ великихъ свойствъ многочисленными злодѣяніями.

ЕЛОИЗА.

Еще не опредѣлено достовѣрно время рожденія Елоизы. Нѣкоторые Писатели увѣряютъ, что она родилась въ Парижѣ 1101 года; происхожденіе ея и даже имена родителей покрыты мракомъ невѣдѣнія. Извѣстно только то, что была она племянница Фюльберта, Парижскаго Каноника, у коего она жила, и который сдѣлался потомъ виновникомъ всѣхъ ея и Абелардовыхъ злополучій.

Воспитываясь у монахинь Аржантёльскихъ, Елоиза имѣла случай усовершенствовать счастливыя способности, какими такъ щедро одарила ее природа. При красотѣ и умѣ своемъ, она легко могла внушить въ другихъ сильную и пламенную страсть и сама питать оную; свиданіе ея съ Абелардомъ рѣшило участь ея жизни.

Абелардъ завелъ училище въ Парижѣ. Краснорѣчіе его въ преподаваніи своихъ мнѣній привлекло къ нему множество учениковъ. Елоиза, услышавъ

о превосходныхъ его дарованіяхъ, просила у своего дяди позволенія быть ученицею сего великаго человѣка. Скупый Фюльбертъ, разсчитывая, что ей гораздо выгоднѣе у одного учителя обучаться различнымъ наукамъ, согласился на ея требованіе.

Елоиза, будучи признательна къ попеченіямъ, кои особенно ей оказывалъ Абелардъ, не предвидѣла опасности, могущей произойти отъ обхожденія съ молодымъ человѣкомъ, одареннымъ всѣми способами нравиться. Долго почитала она токмо благодарностію гораздо нѣжнѣйшее чувство. Въ семъ пріятномъ заблужденіи проводила она съ Абелардомъ цѣлые дни, не видя бездны, отверзавшейся подъ ея стопами. Самъ Фюльбертъ, почитая старанія учителя за одно усердіе, жестоко обманулся, принявъ отъ него довольно большую сумму денегъ съ тѣмъ, чтобы позволить ему жить въ своемъ домѣ и имѣть съ нимъ общій столъ. Сія Фюльбертова неосторожность и свобода видѣться часто, были причи-

кою потери невинности Елоизы. Безразсудный Абелардъ воспользовался слабостію дѣвицы — и вскорѣ сей несчастной не осталось другаго средства сокрыть свой позоръ, какъ бѣжать изъ дому своего дяди и удалиться въ Бретань къ сестрѣ Абелардовой. Хотя онъ могъ загладить стыдъ Елоизы и примириться съ Фюльбертомъ, давъ обѣщаніе взять за себя Елоизу; что Абелардъ и сдѣлалъ; однако онъ требовалъ, чтобы бракъ ихъ оставался въ тайнѣ. Фюльбертъ сперва на все согласился — и обрядъ, при коемъ немногіе присутствовали друзья его, совершенъ былъ въ уединенномъ храмѣ.

Елоиза и Абелардъ хранили тайну; но Фюльбертъ, недоволенъ будучи свидѣтельствомъ совѣсти своей, вознамѣрился обнаружить все, чтобы тѣмъ явственнѣе оправдать себя предъ свѣтомъ. Нѣжная Елоиза, спрашась, чтобъ разглашеніе о бракѣ ея съ Абелардомъ не оскорбило супруга ея, рѣшилась явно опровергать увѣренія своего дяди и никакъ не признаваться, что

вышла за мужъ. Раздраженный таковымъ упорствомъ Фюльбертъ, для принужденія племянницы своей къ признанію, прибѣгнулъ къ средствамъ столь жестокимъ, что Абелардъ устрашился послѣдствія оныхъ. — Для избавленія супруги своей отъ притѣсненій дяди, Абелардъ переодѣлъ ее въ монашеское платье и поручилъ ее сестрамъ Аржантёльскимъ, у коихъ прежде она воспитывалась во время своего дѣтства. Фюльбертъ, обманувшись одеждою Елоизы и полагая навѣрное, что Абелардъ жертвуетъ ею своему честолюбію, учинилъ надъ супругомъ симъ варварское и ужасное мщеніе.

Тогда Абелардъ самъ пошелъ въ монастырь Св. Діонисія; рѣшившись посвятить себя Богу и разстаться на вѣки съ суетнымъ міромъ, онъ не хотѣлъ однакожъ, чтобы младая, прелестная и чувствительная Елоиза тамъ обитала. Для сего писалъ онъ къ ней, увѣщевая ее именемъ вѣры и чести, послѣдовать его примѣру. Елоиза, привыкнувъ жить по волѣ лю-

безнаго е
швовала
произнесл
стырѣ свя

Спус
лардъ нав
Слава его
кое множе
зависть в
рые наконе
ся въ домѣ
Вѣрные у
нимъ и п
ной домъ,
гдѣ онъ пр
двигли обш
во имя Свя
раклета
тѣмъ Абе
томъ въ
въ Нижней
ніе объ Ел
терпѣнныхъ
ною, терз
знаетъ онъ
нахины изг

безнаго ей Абеларда, охотно пожертвовала для него своею свободою и произнесла въ Аржантёльскомъ монастырѣ священный обѣтъ служить Богу.

Спустя нѣсколько дней, и Абеларду навсегда поспригся въ монахи. Слава его, привлекшая къ нему великое множество учениковъ, возбудила зависть въ другихъ монахахъ, которые наконецъ принудили его скрыться въ домѣ его, бывшемъ въ Шампаніи. Вѣрные ученики его послѣдовали за нимъ и туда, построили ему каменной домъ, и на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ онъ проповѣдывалъ и училъ, воздвигли обширный и великолѣпный храмъ во имя Святаго Духа, подъ именемъ Параклета, т. е. Утѣшителя. Между тѣмъ Абеларду избранъ былъ Аббатомъ въ Сен-Ильдасъ-де-Рей, что въ Нижней Бретани. Тамъ воспоминаніе объ Елоизѣ и о бѣдствіяхъ, претерпѣнныхъ сею прелестною женщиною, терзало его душу. Вскорѣ узнаетъ онъ, что Аржантёльскія монахини изгнаны изъ монастыря. Тогда

ничто болѣе не удерживаетъ его: онъ летитъ, находитъ Елоизу и провождаетъ въ Параклетъ. Мѣсто сіе, обогатившееся отъ вкладовъ окрестныхъ владѣльцевъ, именовано Аббатствомъ и поручено ученой, но несчастной Елоизѣ. Постановленіе о семъ утверждено Епископомъ Троаскимъ и Папою Иннокентіемъ.

По усердію или по другому, можетъ быть, господствовавшему въ Абелардѣ нѣжнѣйшему чувству, онъ часто посѣщалъ Елоизу въ семъ убѣжищѣ. Зависть и тупость не упустила случая охуждать его поступковъ. Тогда, спрашась оскорбить честь своей супруги, онъ разстался съ нею и направилъ путь свой въ Сентилдасъ, утѣшаясь мыслію, что оставляетъ Елоизу въ мѣстахъ пріятныхъ, гдѣ она уважаема и любима была всѣми сосѣдями. Самъ онъ удалился въ мѣста дикія и жилъ среди людей завистливыхъ и ревнительныхъ, нѣсколько разъ покушавшихся на его жизнь.

Сердце
какую-то
скорбь свою
лардъ, чувс
піе повѣря
одному изъ
коему живо
женіе и пр
ни своей. Н
ма достали
груди ея пы
конораго н
его не мог
Отвѣтъ ея
къ той сла
нинскомъ яз
жимъ мы нѣ
Между
дали Абелар
духовные е
Его гналъ А
лучный хот
и предъ лиц
даніе; но бла
рилъ его со
го времени
можно разст

Сердце наше, кажется, ощущаетъ какую-то сладкую отраду, изливая скорбь свою въ сердце друга. Абеларда, чувствуя сіе, находилъ утѣшеніе повѣрять сокрадания души своей одному изъ лучшихъ друзей своихъ, коему живо описывалъ горестное положеніе и прочія обстоятельства жизни своей. Но, къ несчастію, его письма достались въ руки Елоизы; въ груди ея пылалъ еще тотъ пламень, которого ни время, ни отсутствіе его не могли совершенно погасить. Отвѣтъ ея Абеларду подалъ поводъ къ той славной переписке на Латинскомъ языкѣ, изъ которой предложимъ мы нѣкоторыя извлеченія.

Между тѣмъ новыя бѣдствія ожидали Абеларда; Суассонскіе и Санскіе духовные его осудили какъ еретика. Его гналъ Аббатъ Сен Бернаръ; злополучный хотѣлъ было итти къ Папѣ и предъ лицемъ его принести оправданіе; но благочестивый Петръ примирилъ его со всѣми его врагами. Съ сего времени здоровье Абеларда совершенно разстроилось. Петръ благоче-

стивый въ чаяніи, что перемѣна воздуха можетъ его нѣсколько поправить, отвезъ его въ Сен-Марсельское Пріорство, близъ Шалона, что на Сенѣ. Снѣдаясь сердечною грустію, въ немощахъ, Абелардъ, проживъ тамъ малое время, скончался 21 Апрѣля 1142 года, 63 лѣтъ отъ рожденія. Тѣло его перевезено было въ Параклетъ.

Горесть Елоизы соразмѣрна была любви ея къ Абеларду. Вопще искала она отрады въ моленіяхъ, въ наукахъ: одна смерть прекратила ея страданія; но уже спустя двадцать одинъ годъ, какъ она заплатила сію дань природѣ — и гробница, въ которой она желала по смерти соединиться съ Абелардомъ, отверзлась ей въ 1163 году.

Изъ множества епитафій мы приведемъ только одну, сдѣланную Академіею надписей:

Здѣсь лежатъ подъ симъ мраморомъ: Петръ Абелардъ, Основатель, и Елоиза, первая Игумена сего монастыря, нѣкогда соединенные науками, духомъ, несчастнымъ бракомъ и покаяніемъ; да соединятся они

и въ блаженной вѣчности. Петръ умеръ 21 Апрѣля 1142, а Елоиза 13 Мая 1163 го.

Мы обѣщали представить нѣкоторыя изъ писемъ Елоизы къ ея супругу. Вотъ то письмо, въ которомъ увѣдомляетъ она Абеларда о ввѣренномъ ей духовномъ стадѣ:

— „О, будь увѣренъ, стадо твое „достойно твоихъ попеченій. Се крины, „насажденные отеческою твоею дес„ницей, — се чада, молитвами тво„ими возрожденныя. Въ цвѣтущей юно„сти своей они убѣгаютъ прелестей „суетнаго міра. Ты былъ вождемъ ихъ въ „сихъ безплодныхъ горахъ; ты воздвиг„нулъ сіи стѣны; пустыни украси„лись — и райскій вертоградъ раз„цвѣлъ въ сихъ мѣстахъ одичалыхъ. „Сирота не плачется на насъ; никто „не зрѣлъ праведнаго наслѣдія своего, „имущества отцевъ своихъ, неправед„но нами отнятаго; мы не приемлемъ „злата отъ умирающаго лихоимца, „который мнитъ искупить за оное „Царствіе небесное. Обитель наша

„красна простотою; подъ сими сво-
„дами, воздвигнутыми усердіемъ и
„набожностію, безпрестанно раздаются
„хвалы, воспѣваемыя создателю ихъ.
„Въ сихъ уединенныхъ стѣнахъ, вѣч-
„ныхъ предѣлахъ ихъ жизни, подъ
„мишистыми куполами, окруженными
„башнями, которыя возвышаются въ ви-
„дѣ пирамидъ, гдѣ въ спрашныхъ пере-
„ходахъ обитаетъ сѣдая нощь при
„сіяніи дневномъ, гдѣ сквозь узкія окна
„едва мерцаетъ тонный свѣтъ, тамъ
„очи твои изливали сладчайшій свѣтъ
„упѣшенія — и лучи славы возсіява-
„ли съ каждымъ днемъ; а теперь ни-
„какой небесный ликъ не озаряетъ уже
„болѣе сихъ мѣстъ упѣшительнымъ
„сіяніемъ; теперь тамъ въ безмолвіи
„водворились мрачное уныніе и слез-
„ныя рыданія.

„Блаженъ! . . . стократно блаженъ
„жребій непорочной дѣвы! Она отвергает-
„ся свѣта — и свѣтъ ее забываетъ.
„Для нее — вѣчное ликованіе чистой
„души, сладостное возношеніе къ не-
„бесамъ, постоянныя желанія, прудъ и

„покой, муд
„тихій сон
„слезы благ
„дѣленія, во
„шыя ощущ
„нія, къ не
„дать Божія
„и свѣтлые
„молвные ча
„ютъ ее не
„ея радуют
„Для нее
„райскіе кри
„прясаютъ
„позарныхъ
„Женихъ не
„чальное ко
„нихъ дѣвъ,
„снѣга, воспѣ
„умираетъ
„доброгласіи
„вѣчныхъ ра
„духовъ.“

Вотъ е
Абелардова,
на первое пис

Часть

„покой, мудрое употребленіе времени,
„тихій сонъ, радостное пробужденіе,
„слезы благодарности, умѣренныя вож-
„дѣленія, всегда единообразныя, и свя-
„тыя ощущенія, сердечныя воздыха-
„нія, къ небесамъ парящія — благо-
„дать Божія приосѣняетъ невинность,
„и свѣтлые Ангельскіе лики, въ без-
„молвные часы полуночные, услажда-
„ютъ ее небеснымъ пѣніемъ — и духъ
„ея радуютъ златыми сновидѣніями.
„Для нее разцвѣтаютъ неувядаемые
„райскіе крины, на нее Серафимы со-
„прясаютъ благоуханную росу со свѣ-
„тозарныхъ крилъ своихъ; для нее
„Женихъ небесный уготовляетъ вѣч-
„чальное кольцо; для нее сонмъ гор-
„нихъ дѣвъ, въ одеждахъ бѣлѣйшихъ
„снѣга, воспѣваетъ брачные лики. Она
„умираетъ при небесной мусикіи и
„доброгласіи, и паритъ въ жилище
„вѣчныхъ радостей — безплотныхъ
„духовъ.“

Вотъ еще отрывокъ изъ письма Абелардова, служившаго отвѣтомъ на первое письмо Елоизы:

„Ты пишешь, моя Елоиза, что „живешь только для меня, хотя и „посвятила себя Богу; ты говоришь, „что помнишь только твѣ клятвы, „коими обязалась и жить и умереть, „меня обожая. О, къ чему раздражать „Царя вселенной, сего Бога, котораго „длань столь долго тяготѣетъ надъ „нами? Если ты не сильна чтить Его „изъ любви: то чти Его хотя изъ „боязни. Не дерзай всуе призывать „Творца и поставлять Его предлогомъ „къ снисканію добраго о себѣ мнѣнія у „людей.

„Потщимся исцѣлить другъ во „другѣ сердечныя раны. Ты уневѣсти„лась Христу — и теперешній санъ „твой долженъ внушить въ тебя му„жество ко исполненію священныхъ „его обязанностей. Я бы поспорилъ „за тебя съ цѣлымъ свѣтомъ; но ты „угодна стала Богу — смиряюсь предъ „Нимъ. Никогда и никто изъ смерт„ныхъ не приносилъ Творцу вселенной „такой жертвы, какъ я. Не внемля „воплямъ расперзаннаго сердца, я от-

„торгаю тебя отъ души моей — и „отдаю Богу. Ты была жертвою моей „любви; теперь будь жертвою покор„ности моей къ Творцу. Вонми гласу „Всевышняго; знай, что Онъ вѣдаетъ „всѣ наши слабости. Сей безконечно„милосердый Отецъ укрѣпляетъ серд„ца, къ Нему возносящіяся; предъ „алтарями Его, исцѣлимся отъ сердеч„ныхъ недуговъ. Богъ благости тре„буетъ отъ насъ единаго смиренія и „сокрушенія душевнаго. Пусть раская„ніе наше сколь же сдѣлается извѣст„но свѣту, какъ и наше преступленіе. „Теперь служимъ мы примѣромъ и „оправданіемъ для неопытной и пыл„кой юности. Докажемъ нашему вѣку „и потомству, что мы истиннымъ „покаяніемъ заслужили прощеніе и что „благодать небесная восторжествовала „въ нашихъ сердцахъ надъ стра„стями.“ —

Г. Попе, славный Англійскій Стихотворецъ, подражалъ симъ письмамъ въ своихъ образцовыхъ посланіяхъ Абеларда къ Елоизѣ. Вотъ одинъ изъ луч-

шихъ отрывковъ. — Представляется, будто тѣнь изъ глубины гроба говоритъ съ Елоизою.

„Дражайшій Абелардъ, узри сте„нящую Елоизу . . . въ трепетаніи . . . „блуждающу среди гробовъ. . . Блѣд„ный свѣтъ угасающихъ свѣтильниковъ „усугубляетъ ея ужасъ. . . Изъ нѣдръ „священной могилы, мнѣ кажется, „исходитъ нѣкій унылый, таинствен„ный гласъ: приближься, сестра! вѣ„щаетъ онъ мнѣ, приближься, дѣва, гони„мая рокомъ! . . . Прииди, оночій со „мною вѣчнымъ сномъ въ уготованномъ „тебѣ мѣстѣ. И я, подобно тебѣ, „была жертвою любви — и я страда„ла, молилась, проливая слезы; те„перь за гробовой доскою мнѣ новая „жизнь — и наслаждаюсь блажен„ствомъ несказаннымъ! . . . Вѣч„ный покой обитаетъ въ могилѣ; „шумъ міра утихнетъ, всеобщій „вопль и рыданія смертныхъ не по„трясутъ слуха усопшихъ. Здѣсь всѣ „страсти нѣмѣютъ — и любовь без„сильна, и суевѣріе безгласно; здѣсь

„не человѣки, а самъ Богъ судитъ „наши слабости. . . . Такъ, я внимаю „гласу твоему, тѣнь блаженная! . . . „Спѣшу соединиться съ тобою. Уго„товыпе кринъ райскіе, пальмы без„смертныя; скоро вступлю я въ тѣ „страны счастливыя, гдѣ всё — и „даже самый огнь, воспламеняющій „Серафимовъ, очищаясь, всюду проли„ваетъ свѣтъ свой; тамъ грѣшникъ, „омытый раскаяніемъ, сопричащается „лику чистѣйшихъ духовъ. — Дра„гайшій Абелардъ, ты не отречешь„ся воздать мнѣ послѣдній печальный „долгъ.“

Заключимъ слѣдующимъ отрывкомъ изъ Колардо, счастливаго подражателя Гну. Попе:

„О благодать свѣтозарная! о глубина мудрости! добродѣтель, дщерь небесъ, отрекающаяся отъ міра — ты, которая обѣщаешь мнѣ вѣчныя радости, восхить мою Елоизу изъ нѣдра смертныхъ. — Я умираю . . .

любезный Абелардъ, приди, закрой вѣжди мои — умирая для любви, умираю для свѣта.“ —

ЛАУРА.

Теперь я начинаю описывать жизнь женщины, по своей красотѣ извѣстной, а еще болѣе прославленной въ пѣснопѣніяхъ вдохновеннаго ею Петрарха, превосходнѣйшаго изъ Италіянскихъ Стихотворцевъ. Но дерзнемъ ли мы что прибавить къ описанію Лауры, сдѣланному симъ великимъ поетомъ въ слѣдующихъ словахъ:

„Всѣми моими достоинствами, всею славою одолженъ я Лаурѣ: безъ нее не былъ бы я тѣмъ, чѣмъ теперь вы меня видите. Лаура небесною силою изящной души своей претворила хорошія наклонности природныя моего сердца въ сильнѣйшее стремленіе къ добродѣтели. Лаура въ пылкой юности моей удержала меня на краю бездны, которую страсти, обуревавшія душу

мою, разверзали подъ стопами моими. Дерзаю увѣрить, что самые злые порицатели не могли найти пятна въ Лаурѣ; не токмо въ дѣлахъ, но даже въ словахъ ея никогда и никто не замѣтилъ ничего предосудительнаго.

Скажу еще болѣе: клевета, разящая самую добродѣтель, предъ нею въ благоговѣніи — безмолвствовала. Посему то и неудивительно, что женщина, съ такою отличною славою, съ такими небесными свойствами, преобразовала меня, направивъ къ совершенству, единственно для того, чтобы меня содѣлать ея достойнымъ. Стремленіе сіе къ изящному и къ славѣ, услаждая душу мою, вознаграждало меня за неисчетные труды для успѣховъ въ Словесности. Она одна въ юности моей обладала моею душей; я желалъ нравиться одной Лаурѣ, а болѣе никому. Въ угодность ей, оставилъ я всѣ шумныя удовольствія исполненнаго обольщеніями міра; а вы хотите, чтобъ я забылъ сего ангела-хранителя моихъ дней — сію Лауру,

которая отдѣлила меня отъ праха земнаго, которая всегда сопутствовала мнѣ на поприщѣ славы, возносила духъ мой къ нѣмъ странамъ, куда не досязаетъ умъ прочихъ смертныхъ, которая чистѣйшимъ пламенемъ души своей воспламеняла угасающій духъ въ оледенѣлой груди моей. —

Лаура родилась 4 Іюня 1314 года въ городкѣ Сазѣ, близъ Авиньіона. Отецъ ее изъ дворянъ, по имени Павелъ Саръ. Лаура была превосходнѣйшее произведеніе природы. На ланитахъ ея бѣлолилейныхъ всегда алѣли неувядаемыя розы; черные блещущіе глаза, изображавшіе собою скромность; чело, вѣнца достойное; свѣжія уста алыя, бѣлоснѣжная грудь, волнистые свѣтлорусые волосы: таковы внѣшнія прелести Лауры! — Что жъ касается до свойствъ ея душевныхъ: то ничего не льзя лучше желать: будучи кротка, скромна, мила, ушѣшала своихъ родителей и радовала всѣхъ знакомыхъ. Видя ее однажды, желали еще видѣть и не

насмотрѣлись на нее. Разумъ ея былъ украшенъ богатствомъ свѣдѣній; въ бесѣдѣ ея открывалась живость ума и доброта сердца; уста ея не осквернялись злословіемъ и клеветою; глаза никогда не пылали гнѣвомъ; рука ея никогда не отвергала бѣднаго, помощи требующаго.

„Если глаза мои, такъ говоритъ Петрарха, остановятся на розахъ бѣлыхъ и пурпуровыхъ, собранныхъ въ золотомъ сосудѣ рукою прелестной дѣвицы: тогда мнѣ кажется, что вижу лице той, которая всѣ чудеса природы собой затмѣваетъ; я вижу бѣлокурые локоны ея, по лилейной шеѣ развѣянные, бѣлизною и самое молоко затмѣвающей; я вижу сіи ланиты, сладостнымъ и тихимъ румянцемъ горящія! Но когда легкое дыханіе зефира начинаетъ колебать на долинѣ цвѣточки желтые и бѣлые, тогда воспоминаю невольно и мѣсто и первый день, въ которой увидѣлъ Лауру съ развѣянными власами по воздуху — и

воспоминаю съ горестію начало моей пламенной страсти."

Сіе чудесное произведеніе природы должно было вручить сердце свое смертному, достойному обладать имъ — и смертный сей былъ знаменитый Петрарха. Утомясь шумомъ многолюднаго Рима, сей прелестный Писатель вознамѣрился искать уединеннаго убѣжища, гдѣ бы совершенно могъ онъ посвятить себя служенію Музъ. Онъ оставилъ Римъ и отправился путешествовать. Проѣзжая окрестности Авиньіона, замѣтилъ онъ небольшую долину на прелестномъ мѣстоположеніи, которое плѣнило его зрѣніе и сердце. Сія восхитительная для Пиита долина, между тысячи ручейковъ, словно оспоривающихъ честь украшать ее собою, орошалась свѣтлыми струями Сорги, названной Петрархомъ *Царицею всѣхъ ручьевъ*. Съ одной стороны холмъ, осѣняемый вѣчнозелеными древами, на вершинѣ коего древній полуразвалившійся замокъ, напоминающій ужасныя произшествія

прошедшаго и мирную тишину настоящаго времени; съ другой стороны голые и нависшіе утесы, съ коихъ катятся въ долину ручейки съ тихимъ журчаньемъ, — страна, толь мирная, толь плѣнительная, гдѣ царствовала вѣчно юная весна, побудила Италіянскаго Пѣснопѣвца основать въ ней свое жилище. Онъ немедленно построилъ тамъ, на скатѣ холма, близъ источника Сорги, скромное жилище и купилъ себѣ нѣсколько десятинъ земли, которыя самъ, для своихъ потребностей, обработывалъ. Въ семъ-то убѣжищѣ Петрарха провелъ десять лѣтъ безпрерывно; въ семъ-то уединеніи онъ произвелъ сіи изящныя творенія, безсмертіемъ его увѣнчавшія.

Однако любезный мудрецъ разсталася съ своимъ прелестнымъ уединеніемъ, отправясь въ Авиньонъ, отстоящій отъ него около пяти миль. Тамъ-то въ первый разъ увидѣлся онъ съ Лаурою; тамъ-то возчувствовалъ онъ тотъ сильный и священный

пламень, который сохранился въ груди его до самой могилы. Лаурѣ исполнилось тогда шринадцать лѣтъ, какъ въ церкви Св. Клары увидѣла она Петрарха, а Петрарха сію несравненную дѣвицу. Съ той самой минуты онъ старался всюду ее видѣть, занимаясь единственно средствами ей нравиться. Онъ успѣлъ въ томъ; но Лаура, не смотря на свою молодость и неопытность, всячески старалась добродѣтель сдѣлать въ глазахъ его драгоцѣннѣе всѣхъ доказательствъ любви, имъ требуемыхъ. Вотъ какъ изъясняется самъ Петрарха:

„Тщетно я употреблялъ старанія, нѣжные упреки, безпрерывныя услуги, убѣдительныя прозьбы, чтобы ее преклонить, — ничто не могло затмить въ Лаурѣ той прелестной стыдливости, толико женщинѣ приличествующей. Она всегда умѣла обуздать пылкую опрометчивость, свойственную тому возрасту, въ коемъ мы оба находились, безпрерывно отвергая другія побужденія, которыя покорили бы душу, не столь

твердую,
чемъ я ох
разумные
меня на
какъ обра
вости, бе
несовершен
дя, какъ
обузданном
вергнуться
ляла меня
вала за м
она своих
подобна са

Любовь
рарха, п
съ нею;
тели надъ
вило чувст
щины. Она
и послѣдній
священъ.

Разлучи
единое при
жизнь, Сти
находилъ бо

твердую, какъ ея душа. Вѣрно то, въ чемъ я охотно признаюсь, что благоразумные совѣты сей дѣвицы наставили меня на путь мудрости; нравы ея, какъ образецъ совершеннѣйшей скромности, безпрестанно укоряли меня въ несовершенствахъ моихъ. Наконецъ, видя, какъ я стремился, подобно необузданному коню, и готовъ былъ повергнуться въ бездну, она предоставляла меня участи моей, а не слѣдовала за мною; никогда не измѣняла она своихъ правилъ, всегда будучи подобна сама себѣ."

Любовь къ Лаурѣ, мучившая Петрарха, побудила его разлучиться съ нею; но сіе торжество добродѣтели надъ любовію нимало не перемѣнило чувствій сей прелестной женщины. Она всегда любила Петрарха, и послѣдній ея вздохъ былъ ему посвященъ.

Разлучившись съ тою, которой единое присутствіе обворожало его жизнь, Стихотворецъ Италіянской не находилъ болѣе въ Воклюзѣ тѣхъ пре-

лестей, кромѣ скуки и грусти. Всѣ тамъ воспоминало ему пріятное время, имъ проведенное. Не въ силахъ будучи перенести горести своей, онъ рѣшился оставить тѣ мѣста, въ которыхъ онъ всего лишился, даже самой надежды — и искать спокойствія, которое убѣгало отъ его сердца.

Но чего стоила ему жертва сія! и какую побѣду одержалъ онъ самъ надъ собою въ тотъ самой день, въ которой оставилъ берега Сорги! Его твердость вскорѣ подверглась жестокимъ искушеніямъ. Онъ, миновавъ Альпы, отправился въ Миланъ, оттуда въ Верону, а изъ Вероны въ Парму. Едва лишь только достигъ онъ сего города, какъ ужаснѣйшее извѣстіе поселило отчаяніе въ его сердцѣ. Одинъ изъ друзей его писалъ къ нему, что прекрасная Лаура, столь нѣжно имъ любимая, прославленная его вдохновенными пѣснями, пала подъ роковыми ударами смерти.

Мы заимствуемъ еще отъ самого Петрарха выраженіе его чувствованій,

которыя сія гибельная вѣсть возбудила въ его сердцѣ. „1327 Года, 6го Апрѣля, Лаура, говоритъ онъ, знаменитая собственными добродѣтелями и достойно воспѣтая мною, въ первой разъ поразила глаза мои въ церкви Сен-Клары Авиньіонской, въ первыя лѣта юности моей. Утромъ въ тотъ же день, того же Апрѣля, 1348 года, сія самая Лаура — свѣтъ міру — въ томъ же самомъ городѣ преставилась для свѣта. Тогда я былъ въ Веронѣ и не предчувствовалъ того безмѣрнаго несчастія, которое готово было меня поразить. Я пріѣхалъ въ Парму; тамъ 18го Мая тогоже года я прочелъ роковое письмо отъ моего друга Людовика о произшествіи, которое одно могло разрушить навсегда отдохновеніе блаженства, вкушаемаго мною среди бѣдствій. Въ тотъ самой день, какъ умерла Лаура, тѣло ея, сколь непорочное, столь и прелестное, ввечеру положено было въ церкви Кармелитовъ. Душа ея, подобно душѣ Африканскаго Сципіона,

которомъ говоритъ Сенека, отлетѣла, какъ я думаю, на небо, откуда она сошла на землю. Сіе бѣдственное приключеніе, которое всегда будетъ мнѣ представляться, увѣковѣчило слезы мои; я сіе записалъ, съ нѣкіимъ тайнымъ удовольствіемъ, горестію растворенным, въ моихъ запискахъ, которыя часто пересматриваю. Сіе послужитъ къ тому, что ничто впредь не можетъ меня радовать въ здѣшнемъ мірѣ — и мнѣ время оставитъ сей Вавилонъ, который мнѣ опостылѣлъ съ тѣхъ поръ, какъ расторгнулись крѣпкія узы, къ нему привязывавшія меня — и я позналъ, что суетно и ложно уповать на жизнь, которая пролетаетъ съ быстротою молніи. Сего достигну я безъ труда, по благости Божіей, при свѣтѣ разума и подъ руководствомъ опыта, познавъ ничтожность заботъ, какимъ мы предаемся, и лживости надежды, какою питаемся, и скорости томительныхъ злоключеній, какими окружены мы отвсюду.“

„Исчезла слава твоя, міръ неблагодарный! и ты сего не видишь, не чувствуешь. Ты недостойна была знать ее, земля неблагодарная! ты недостойна быть попираема ея священными стопами! Прекрасная душа ея преселилась на небо. Но я, несчастный! я не могу любить безъ нее ни смертной жизни, ни самого себя! Лаура! тебя призываю со слезами! Слезы послѣднее мое утѣшеніе; онѣ меня подкрѣпляютъ въ горести. Увы! въ землю превратились ея прелести; онѣ были здѣсь залогомъ красоты небесной и наслажденій райскихъ. Тамъ ея невидимый образъ; здѣсь покрывало, затемнявшее его сіяніе. Она облечется снова и навѣки въ красоту небесную, которая безъ сравненія превосходитъ земную. — Ея образъ является мнѣ одному (ибо кто могъ обожать ее такъ, какъ я?) — онъ является и прелестнѣе и свѣтлѣе. Божественный образъ ея, милое имя, которое отзывается столь сладостно въ моемъ сердцѣ — вы единственныя опоры слабой жизни моей...

Но когда минутное заблужденіе исчезаетъ, когда я вспомню, что лишился надежды моей въ самомъ цвѣтѣ и сіяніи: любовь! ты знаешь, что со мною тогда бываетъ — и она знаетъ — та, которая приближилась къ Божественной истинѣ . . . я страдаю; а она изъ жилища вѣчной жизни, съ гордою улыбкою презрѣнія, взираетъ на земное одѣяніе свое, здѣсь оставленное. Она о тебѣ одномъ вздыхаетъ, умоляя не запемнить сіянія славы ея, тобою на землѣ распространеннаго; да будетъ гласъ твоихъ пѣсней еще звучнѣе, еще сладостнѣе, если сладостны и драгоцѣнны были очи ея твоему сердцу!“ — Пер. Б. . .

Такимъ-то образомъ скончала дни свои прекрасная Лаура, для которой Гименеевъ факелъ никогда не возжигался. Жизнь ея была не подвержена никакимъ укоризнамъ, нравъ ея былъ кротокъ, чистъ; ее поставляли совершеннѣйшимъ образцемъ. На могилѣ ея положенъ дикій камень, безъ всякаго украшенія и безъ всякой надписи.

Намъ не льзя умолчать одного анекдота который дѣлаетъ честь памяти Лауры — и Франциска I. Сей Государь, во время путешествія своего въ Марсель, былъ въ Авиньонѣ. Слышавъ о гробницѣ Лауры, онъ пожелалъ видѣть заключенное въ ней тѣло. Когда камень отвалень былъ и гробница открыта: то нашли все тѣло, кромѣ костей, истлѣвшимъ. На груди у Лауры лежала свинцовая коробочка съ покрышкою, въ исподи оной находилась свинцовая медаль и листокъ пергамину; на одной сторонѣ медали видно было изображеніе старой женщины, на другой же буквы M. L. M. L, значащія вѣроятно: Madonna Laura morte jacet, здѣсь лежитъ Лаура. На листкѣ пергамина написанъ былъ по Италіянски сонетъ, которой до сихъ поръ приписывали Петрархѣ; но сіи стихи, по слабости своей, недостойны пера сего великаго человѣка.

Францискъ не восхотѣлъ, чтобы столь скромная гробница заключала въ себѣ столь знаменитую женщину, и прика-

залъ соорудить приличнѣйшую — и надъ нею положена слѣдующая епитафія собственнаго его сочиненія:

En petit lieu comprins Vous pouvez voir
Ce qui comprend beaucoup par renommée,
Plume, labeur, la langue, et le sçavoir
Furent vaincus par l'amant de l'aimée.
O gentil! ame etant tant eſtimée,
Qui te pourra louer qu'en se taisant!
Car la parole eſt toujours reprimée
Quand le ſubject ſurmonte le disant.

БЛАНКА КАСТИЛЬСКАЯ.

Бланка Кастильская родилась въ 1169 году. Отецъ ея Алфонсъ, по щедрости своей и пышности, прозванъ благороднымъ; а за другія хорошія его свойства, добрымъ. Мать ея называлась Елеонорою и была дочь Генриха I, Короля Аглинскаго. Елеонора употребляла всѣ возможныя средства къ воспитанію и образованію своей дочери, для приуго-

новленія ея къ той степени высокой, какую ей должно было занять. Счастливыя способности Бланки легко были образованы; Принцесса, сверхъ чаянія матери своей, на 15 году избрана въ супруги Принцу Людовику Французскому, сыну Филиппа Августа, для утвержденія мира между Франціею и Англіею.

Прелести Бланки, умъ ея и прочія изящныя качества привели въ изумленіе Французскій дворъ. Всякій восхищался столь превосходными свойствами въ особѣ столь юныхъ лѣтъ. За то и Людовикъ былъ счастливѣйшимъ супругомъ. Залогами ихъ супружества была одна дочь и два сына, изъ коихъ первый, Филиппомъ названный, умеръ въ младенчествѣ, а второй былъ Св. Людовикъ. Сего родила она 1215 года, Апрѣля 25, въ замкѣ Пуасси, гдѣ показала великую набожность: узнавъ, что перестали звонить въ колокола для того, чтобъ ее не безпокоить, она приказала перенести себя въ дру-

тое мѣсто, которое и названо по сему Дамскимъ убѣжищемъ (la Grange aux Dames).

Агличане между тѣмъ свергли съ себя иго владычества Короля Іоанна; Людовикъ же, содѣлавшійся чрезъ брачный союзъ съ Бланкою племянникомъ Аглинскаго Короля, призванъ народомъ на царство. Но въ самомъ дѣлѣ онъ имѣлъ болѣе права на Аглинскую корону, нежели многіе Государи на Французскую корону.

По смерти Филиппа Августа, Людовикъ VIII взошелъ на престолъ 1523 года, Іюля 14, а помазанъ на царство съ супругою своею въ день Успенія Богородицы. Трехлѣтнее царствованіе сего Государя было для Франціи и славно и полезно. При концѣ жизни своей онъ сдѣлалъ положеніе, въ силу коего объявилъ Бланку правительницею и опекуншею сына своего. Государыня сія мудрымъ правленіемъ своимъ оправдала надежду супруга: въ смутныя и несчастныя времена она была твердою опорою Государства.

Всегда заботясь о благосостоянiи Государства, Бланка занялась воспитанiемъ двенадцатилѣтняго сына своего, котораго заблаговременно поручить Коннетаблю Монморанси, человѣку отличнѣйшему во Францiи по своимъ добродѣтелямъ и мужеству. Потомъ старалась она помазать на царство и короновать юнаго Короля. Но при торжествѣ семъ, на которое созваны были Князья, Графы, знаменитѣйшее дворянство и духовенство, явно обнаружилось недоброжелательство нѣкоторыхъ главныхъ Васалловъ, кои требовали, чтобъ Бланка, какъ чужестранка, сдѣлавшись опекуншею сына своего, имѣла по себѣ поруку. Она свѣдала, что Герцогъ Бретанскiй, начальникъ заговора сего, дѣлалъ даже приуготовленiя; однако всѣ сiе не воспрепятствовало ей отправиться въ Реймсъ, гдѣ юный Король помазанъ на царство Iаковомъ Базошемъ, Епископомъ того города.

По совершенiи сего торжества, Бланка собрала войска и готовилась

итти съ сыномъ своимъ въ Бретань для усмиренія мятежниковъ.

Въ то же самое время Тибольтъ взбунтовался въ Шампаніи; однако скоро былъ усмиренъ. Мужество и благоразуміе Бланки успѣли наконецъ укротить всѣ сіи мятежи — и въ городѣ Вандомѣ подписанъ мирный договоръ.

Послѣ сего сія героиня, со всѣмъ дворомъ своимъ, прибыла въ Парижъ праздновать Святую недѣлю.

Многіе мятежники, забывъ сугубую присягу, подняли вновь оружіе; но Тибольтъ не только не послѣдовалъ примѣру ихъ, но соблюдалъ неизмѣнную вѣрность къ Королевѣ; стараясь разстроивать всѣ замыслы бунтовщиковъ, для сего нарочно къ нимъ приставъ. Его искусству одолжена Бланка всѣми успѣхами своими и избавленіемъ отъ сѣтей, разставленныхъ злодѣями для нее на пути въ Орлеанъ.

Мало по малу всё успокоилось, и вскорѣ никого болѣе не оставалось изъ бунтовщиковъ, кромѣ Реймона,

Графа Тулузскаго, вмѣстѣ съ преданными ему Албиженцами.

Филиппъ Августъ и наслѣдникъ его, Людовикъ VIII, не въ силахъ были истребить сихъ еретиковъ; честь сія предоставлена была новой Правительницѣ Государства. Войска Королевскія, подъ предводительствомъ Имбера Божьіо, прогнали Реймона до самой Тулузы, и онъ вѣрно бы погибъ, если бы кротость и милосердіе, свойственныя вѣрѣ, повелѣвающей прощать обиды, не подвигли Королевы къ прощенію. Великодушіе ея гораздо сильнѣе подѣйствовало, нежели строгость и жестокость: еретики плѣнялись ея благочестіемъ.

Всѣ они, признавъ свое заблужденіе, отреклись отъ онаго, и самъ Графъ Тулузскій, со всѣми своими Васаллами, испросивъ прощеніе у ногъ Государя, каялся съ босыми ногами въ Соборной церкви и со слезами отрекся отъ ереси, которой столь долгое время былъ главою.

Безпрерывно щастливые успѣхи Бланки, воспламенили въ вельможахъ зависть. Сперва они роптали, потомъ начали говорить громко, что Королева, будучи иностранкою, присвоила себѣ много власти и не хотѣла ни въ чемъ совѣтоваться съ Князьями, вельможами и ближайшими родственниками Королевскими. Для сего сговорились они, чтобы Герцогъ Бретанскій поднялъ одинъ оружіе, а сами обѣщались тайно ему вспомоществовать. И въ семъ случаѣ Тибаль открылъ Королевѣ заговоръ. Она тотчасъ пресѣкла зло при самомъ его корнѣ; устрашенные заговорщики едва успѣли убѣжать къ Герцогу Бретанскому.

Болѣе всего Бланку огорчало то, что въ числѣ недовольныхъ былъ Графъ Дрёвскій, первый Принцъ крови, храбрый Ангеррандъ, владѣтель Куса, и Графъ Булоньскій, братъ Людовика VIII. Въ сихъ смутныхъ обстоятельствахъ нужно было ей вооружиться всѣмъ благоразуміемъ — и симъ спасла она Государство.

Миръ возставленъ между Королемъ и Вассаллами, чрезвычайною дѣятельностію и переговорами, кои подкрѣплены были нѣкоторыми побѣдами Королевскихъ войскъ. Одинъ только Герцогъ Бретанскій до сихъ поръ не положилъ оружія, пока не лишился части своихъ владѣній. Бланка и тутъ, по великодушію своему, возвративъ ему потерянное, взяла нужныя мѣры въ предосторожность для будущаго.

Послѣдніе годы царствованія своего Бланка провела въ набожности и правосудіи. Но лишь только Людовикъ достигъ 21 года, она тотчасъ вручила ему бразды правленія, которыя онъ сохранилъ до 1248 года; въ семъ году, не смотря на всѣ увѣщанія матери своей, отправился въ Палестину.

Бланка, искусная въ управленіи Государствомъ, сдѣлалась опять Правительницею онаго. Главное ея попеченіе было о томъ, чтобы прекратить внутреннія и внѣшнія распри, и доставить великія суммы для

чрезвычайныхъ издержекъ своего сына. Но съ тѣхъ поръ жизнь ея наполнилась огорченіями: ибо, получая изъ Египта извѣстія о побѣдахъ своего сына надъ невѣрными, или о неудачахъ его, она равномѣрно огорчалась, зная, что цвѣтъ юношества Французскаго погибалъ въ странахъ чуждыхъ. Послѣ сего легко можно вообразить, сколь поразила ее вѣсть о плѣненіи Людовика и прочихъ Принцевъ: отчаяніе повредило ея здоровье — и она впала въ болѣзненное томленіе; однакожъ, не изнемогая подъ бременемъ злополучій, употребляла всѣ усилія свои къ благоденствію Франціи и къ собранію достаточныхъ суммъ на выкупъ знаменитыхъ плѣнниковъ.

Прибытіе Графовъ Анжуйскаго и Поатьерскаго, братьевъ Королевскихъ, причинило ей величайшую радость, которая вскорѣ превратилась въ величайшую печаль: ибо она узнала, что Людовикъ рѣшился до тѣхъ поръ не возвращаться во Францію, по-

ка не
и не от

Бла
роля, п
денегъ.
ея здоро
шать
оставила
стопребы
провела
чишельны
силы, —
спила о
Св. Андр
ствѣ М
несли зи
сударыня
тости,
истинѣ,
великими
смертны
ніе и зло
орудія дл
одна благ

ка не поправитъ дѣлъ Христіанъ и не отмститъ Сарацинамъ.

Бланка, повинуясь повелѣнію Короля, послала требуемое число войскъ и денегъ. Заботы и печаль разстроили ея здоровье. Врачи совѣтывали ей испытать перемѣну воздуха. Для сего оставила она Парижъ и избрала мѣстопребываніемъ своимъ Мелюнъ, гдѣ провела лѣто и осень 1253 года. Мучительная лихорадка истощила ея силы, — и въ семъ-то городѣ испустила она послѣдній вздохъ въ день Св. Андрея. Она погребена въ Аббатствѣ Мобюиссонъ, куда гробъ ея несли знатнѣйшіе вельможи. Сія Государыня, примѣрная по своей кротости, мудрости и набожности, по истинѣ, заслуживаетъ мѣсто между великими женами. Къ утѣшенію рода смертныхъ, она доказала, что мщеніе и злодѣянія не суть необходимыя орудія для Правителей Царствъ и что одна благость уподобляетъ ихъ Боже-

этву, Котораго образъ носятъ они на себѣ.

КАТЕРИНА ДЕ ПАРТЕНЕЙ.

Катерина де Партеней, единственная дочь Іоанна де Партеней и Аннуанетты Бушардъ-Добешеръ, родилась въ 1554 году. Она прославилась въ Стихотвореніи и сочинила многія трагедіи и комедіи, которыя не были напечатаны, выключая трагедіи: *Олоферна*, представленной въ Рошели 1574 года. Ей приписываютъ еще множество другихъ твореній, въ числѣ коихъ находятся Елегіи и переводъ правилъ Исократа.

Въ сіе время Словесность еще была въ своемъ младенчествѣ, что неоравненно возвышаетъ заслуги упражнявшихся тогда въ оной.

Какой ущербъ нанесъ вкусу, поселенному Франциской I, и какихъ рѣдкихъ твореній лишилъ насъ смѣлной

предразсудокъ, запрещавшій женщинамъ быть ученными! Мы согласны въ томъ, что женщины должны заниматься особенно хозяйствомъ и воспитаніемъ дѣтей; но послѣ всѣхъ сихъ занятій можетъ еще оставаться время, которое можно приятно и полезно провести, посвятивъ оное ученіе, доставляющее намъ безпрестанное наслажденіе.

Дѣвица де Партеней тринадцати лѣтъ вышла за мужъ за Барона дю Понтъ-Келенскъ. Оба супруга жили нѣсколько лѣтъ согласно; но когда разссорились они за нѣкоторыя хозяйственныя дѣла: то Гжа де Партеней принесла жалобы Королевѣ, прося о разводѣ своей дочери. Барокъ оправдался, и для избѣжанія преслѣдованій своей тещи, онъ удалился въ Бретань съ своею женою, которую сталъ содержать въ настоящей неволѣ. Онъ прервалъ сообщеніе между дочерью и матерью, такъ что онѣ не иначе, какъ посредствомъ одного, почти не-

извѣстнаго никому человѣка, получали взаимныя извѣстія. — Молодая Баронша имѣла учителя, который выучилъ ее по Латинѣ и по Гречески. Она писала многія письма на сихъ двухъ языкахъ, и на поляхъ лимоннымъ сокомъ надписывала то, что хотѣла за тайну обЪявить своей матери. Учитель описывалъ письма къ Гжѣ де Паршеней, которая, для открытія тайны, клала ихъ въ огонь. Сія нѣжная мать отвѣчала ей нѣкоторыми стихами изъ древнихъ Поетовъ Латинскихъ. Посредствомъ таковой переписки онѣ начертали планъ, состоявшій въ томъ, что Гжѣ де Партеней должно было просить у Двора о свободѣ Баронши. Друзья обоимъ супругамъ всевозможное прилагали стараніе, примирить ихъ; но какъ ихъ усилія были тщетны: то дѣло было начато въ великомъ Совѣтѣ 21 Сентября, 1571 года. Оно, къ великому неудовольствію Баронши, производилось очень медленно, какъ ужасное произшествіе освободило ее отъ

ширана. Онъ былъ въ числѣ нещастныхъ жертвъ Варѳоломеевской ночи.

Хотя Баронша мало наслаждалась первымъ бракомъ, однако сіе не помѣшало ей выдти въ другой разъ за Викента Руанскаго и Принца Ліонскаго, Рене, отъ котораго она имѣла славнаго Дюка де Роганъ, начальника Кальвинистовъ въ правленіе Людовика XIII, Дюка де Субизъ и трехъ дочерей; одна изъ нихъ вышла замужъ за Герцога Цвейбрикскаго, и предъ замужствомъ, сдѣлала сей славной отвѣтъ Генриху IV: *По бѣдности моей, не могу быть вашею супругою; а по знатности рода, не могу быть вашею любовницею.*

Но не одни свѣдѣнія и дарованія сдѣлали Катерину де Партеней славною женщиною. Геройская твердость въ перенесеніи всѣхъ трудностей, во время осады Рошеля, не менѣе прославили ее. Она отнюдь не хотѣла сдаться на капитуляцію и предпочла быть военноплѣнною. Она содержа-

лась въ Ніортскомъ замкѣ, и умерла въ Паркѣ, въ области Пуату, 26го Октября 1631 года, на 77мъ году своей жизни. —

ХРІСТИНА ПИЗАНЪ.

Хрістина Пизанъ родилась въ Венеціи 1364 года. Отецъ ея, Томасъ Пизанъ, былъ совѣтникомъ Республики. Слава, пронесшаяся о глубокихъ его познаніяхъ въ Астрологіи, бывшей тогда въ великой модѣ, побудила Королей Французскаго и Венгерскаго употреблять всевозможныя старанія, чтобы его привлечь къ себѣ. Въ это самое время во Франціи царствовалъ Карлъ V, проименованный мудрымъ. Пышность его Двора и сильное желаніе увидѣть Французской Университетъ склонили Томаса отправиться во Францію; однакожъ, желая пробыть тамъ не болѣе года, оставилъ жену и дѣтей въ Италіи.

Карлъ V вскорѣ узналъ, сколь выгодно ему оставить при себѣ Томаса, которому далъ уже мѣсто въ своемъ совѣтѣ; но опасаясь, чтобы желаніе увидѣться съ своимъ семействомъ не отвлекло его опять въ Италію, онъ убѣждалъ Томаса написать къ женѣ своей, дабы она пріѣхала къ нему съ дѣтьми. Томасъ склонился на его предложеніе — и вскорѣ имѣлъ удовольствіе видѣть себя въ объятіяхъ своего семейства.

Хрістина была тогда пяти лѣтъ. Ее воспитали при Дворѣ, какъ знатную дѣвицу. Къ изученію Словесности она присоединяла еще знаніе Латинскаго языка. Такимъ образомъ прожила она три люстра своего вѣка. Ей представлялись многіе случаи къ выгоднѣйшему браку. Стефанъ Кастель, молодый, достойный человѣкъ, знатнаго рода изъ Пикардіи, имѣлъ щастіе получить ея руку. Первые дни ихъ брака были благополучны, но вскорѣ Карлъ V умеръ; Томасъ лишился всей силы своей у Двора,

и долженъ былъ содержать себя небольшимъ щекмо жалованьемъ. Сія превратность щастія поразила его глубокою печалію, которая и ввергнула его во гробъ.

Не въ продолжительномъ времени послѣ него и Стефанъ Кастель умеръ отъ заразительной болѣзни на 34 мъ году. Неутѣшная Христина осталась вдовою съ тремя малыми дѣтьми и съ наслѣдствомъ, которое у нее многіе оспоривали. Напрасно бѣгала она изъ суда въ судъ; однако нигдѣ не находила правосудія. Наскучивъ сими неудачами и жизнію, столь несообразною съ ея склонностями, она заперлась въ своемъ кабинетѣ и рѣшилась искать утѣшенія въ книгахъ.

Вотъ собственное ея описаніе, какимъ образомъ принялась она за науки: „Я, подобно малымъ дѣтямъ, начала „съ Азбуки, съ Исторіи первобытныхъ „народовъ міра. Сперва читала о „Евреяхъ, Ассyріянахъ и проч., по„томъ, доведши до новѣйшихъ временъ, „занялась Исторіею Римлянъ, Фран-

„кузовъ,
„проходил
„конецъ п
Едва
ствовала
то въ 1
прище. В
подъ загла
Прежде с
стихотво
всѣ они
стокихъ
Перв
величайш
чтеніе не
никовъ,
Графъ Са
Короля А
къ Поезіи
ѣхавъ во
Рихарда
ла VI,
мишься с
ренія пл
къ ней
подъ покр

„кузовъ, Бретоновъ и проч., потомъ „проходила я всѣ разныя науки, на„конецъ принялась за стихотворство.“

Едва только Хрістина усовершенствовала себя въ Исторіи и Миѳологіи, то въ 1399 мъ году вступила на поприще. Въ 1405 году выдала она книгу, подъ заглавіемъ: Мечты Хрістины. Прежде сего писала нѣкоторыя мѣлкія стихотворенія: Ронды, Баллады и пр.; всѣ они были сочинены во время жестокихъ ея бѣдствій.

Первыя творенія Хрістины имѣли величайшій успѣхъ и снискали ей почтеніе не только отъ ея соотечественниковъ, но и отъ чужестранцевъ. Графъ Салисбури, любимецъ Рихарда, Короля Англинскаго, былъ страстенъ къ Поезіи и самъ писалъ стихи. Пріѣхавъ во Францію, по случаю брака Рихарда съ Изабеллою, дочерью Карла VI, онъ искалъ случая познакомиться съ Хрістиною, которой творенія плѣнили его. Онъ возъимѣлъ къ ней душевную приязнь и взялъ подъ покровительство свое старшаго

13-лѣтняго сына, котораго увезъ съ собою въ Англію.

Хрістина вскорѣ должна была оплакивать нещастной жребій своего друга и покровителя. Рихардъ былъ низверженъ съ престола Генрихомъ Ландкастерскимъ, а Графъ Саллисбури обезглавленъ.

Нѣкоторыя сочиненія Хрістины, посланныя къ Графу, достались въ руки похитителя престола. Онъ столько ими плѣнился, что взялъ съ собою сына знаменитой вдовы и употреблялъ всѣ возможные способы, чтобы призвать ее къ себѣ и украсить ею свой Дворъ. Въ ето же самое время и Герцогъ Миланской дѣлалъ выгоднѣйшія предложенія Хрістинѣ; однако она желала лучше остаться во Франціи, гдѣ Принцы Крови оказывали ей такое же почтеніе, какъ Англинской и Италіянской владѣтели. Филиппъ, Герцогъ Бургонскій, осыпалъ ее ласками и принялъ въ службу старшаго ея сына, лишь только возвратившагося изъ Англіи. Онъ поручилъ ей также

писать жизнь Карла мудраго; но Филиппъ умеръ прежде, нежели она окончила сіе сочиненіе, „съ смертію „его, говоритъ она, возобновились мои „страданія."

Не взирая на покровительство многихъ знатныхъ особъ и на всеобщее уваженіе, приобрѣтенное ею послѣ появленія въ свѣтъ пятнадцати Томовъ ея сочиненій, Христина оставалась въ бѣдномъ положеніи. Всё вырабатываемое трудами ея раздѣляла она съ престарѣлою матерью и другими несчастными родственниками; но бѣдность становилась ей несносна, болѣе по воспоминаніямъ о прежнемъ ея счастіи. Зная, что убожество презирается въ свѣтѣ, старалась она отъ всѣхъ тщательно скрывать свою нищету и величайшимъ несчастіемъ почитала необходимость просить помощи у знатныхъ своихъ друзей. Неизвѣстно, была ли она счастливѣе при концѣ жизни своей: время и обстоятельства ея кончины неизвѣстны.

Сочиненія ея имѣютъ только ту невыгоду, что писаны стариннымъ нарѣчіемъ и однакожъ, при малѣйшемъ вниманіи, можно уразумѣть оное и замѣтить во всѣхъ ея твореніяхъ: нѣжность и чувствительность, свойственныя перу женщинъ.

Г-ЖА ДЕ СЮРВИЛЛЬ.

Маргарита Елеонора-Клотильда де Валломъ Шалисъ де Сюрвилль родилась въ Виварѣ 1405 года. Истинный талантъ ея піитическій можно было примѣтить въ самомъ дѣтствѣ. Будучи 11 лѣтъ, она переложила въ стихи Петрархову Оду. Хрістина Пизанъ читая оную, сказала: Всѣ мои права на Парнассѣ надобно уступить этой дѣвочкѣ. —

Стихи ея исполнены жара и благородства. Между многими подарками, какіе получала она, подарокъ Маргариты, Шотландской Королевы, былъ

для нее самый лестный. Сія Принцесса прислала ей искуственный лавровый вѣнокъ, коего почки были золотыя, а листья серебряные, съ надписью: Маргарита Шотландская Маргаритѣ Парнасской.

Г-жа де Сюрвилль умерла на 90мъ или 92мъ году, прославивъ побѣду Карла VIII при Фарну. —

АННА БРЕТАНСКАЯ,

Королева Французская.

Анна Дрёская, Герцогиня Бретанская, родилась въ Нантѣ 25 Января, 1475 года. Отецъ ея, Францискъ II, Герцогъ Бретанскій, благороднѣйшій и великодушнѣйшій Принцъ въ Европѣ, а мать Маргарита де Фуа, славная по своей красотѣ и добродѣтелямъ. Слѣдуя придворному обыкновенію, по коему заключается союзъ между Принцами и Принцессами еще тогда, когда они находятся въ колыбели, Анна

была обѣщана, имѣя только пять лѣтъ отъ роду — Едуарду, Принцу Гальскому, старшему сыну Едуарда IV, Короля Англинскаго; но смерть сего юнаго Принца, послѣдовавшая послѣ сего чрезъ два года, разрушила сіе намѣреніе. —

Анна, какъ единственная дочь, снискала всю нѣжность своего отца. Воспитаніе ея было ввѣрено Франциской Дюнантъ, Г-жѣ де Лаваль, которая замѣтила въ своей юной воспитанницѣ великую остроту ума и большія способности. Она достигла уже до 13-лѣтняго возраста, до той епохи, въ которую ея рѣдкія качества и красота побудили всѣхъ Принцевъ Европейскихъ искать ея руки. Политика требовала сдѣлать перевѣсъ на сторону Карла VIII, Короля Французскаго, который и соединился съ нею узами брачными 16го Декабря 1491 года.

Вотъ ея портретъ, изображенный авторомъ Анекдотовъ Французскихъ Королевъ: —

„Удивительная бѣлизна, соединен-
„ная съ красотою — большое и воз-
„вышенное чело, на которомъ скром-
„ность умѣряла ея величіе — лице
„нѣсколько продолговатое, носъ, ротъ
„въ прекрасной соразмѣрности. —
„Станъ ея былъ средній и благородный,
„одинъ только въ ней былъ недоста-
„токъ — она была нѣсколько хрома;
„но и то умѣла скрывать. Качества
„души ея совершенно соотвѣтствова-
„ли качествамъ ея тѣла. Она получи-
„ла въ удѣлъ отъ природы — даръ изъ-
„ясняться съ величайшею важностью:
„была разсудительна, чувствительна,
„нѣжна и пріятна, не смотря на гру-
„бость своего вѣка, въ которомъ пріят-
„ности столь же мало были извѣстны,
„какъ и просвѣщеніе. Что̀жъ касает-
„ся до ея сердца, она была великоду-
„шна, добра для тѣхъ, коихъ она лю-
„била, обходительна и вмѣщала въ
„себѣ всѣ достоинства Королевы; но
„гордость дѣлала ее мстительною —
„и она уже не прощала тѣхъ, кто
„однажды оскорбилъ ее; впрочемъ Анна

„была очень благочестива и откровен„на; но набожность доводила ее до „безразсудныхъ и даже упорныхъ со„мнѣній. Другій недостатокъ сей Прин„цессы былъ: привязанность къ своимъ „чувствамъ такъ, что ничто не мо„гло ее отвратить отъ того, на что „уже одинъ разъ она рѣшилась. Сіи не„достатки, то есть, ея мстительность, пустая набожность и упрямство — были причиною, что „она подвергалась нѣкоторымъ ошиб„камъ, которыя едва ли можно изви„нить; однакожъ хорошія ея каче„ства берутъ преимущество надъ си„ми недостатками.“ —

Карлъ VIII, отправляясь въ Италію на войну, препоручалъ управленіе Государствомъ Королевѣ, своей супругѣ, хотя она была еще 19 лѣтъ — и Анна управляла съ великимъ благоразуміемъ; правленіе ея достойно похвалы.

Король, котораго здоровье разстроилось отъ заботъ, претерпѣнныхъ имъ во время похода, имѣлъ не-

щастіе, по возвращеніи своемъ, лишиться единственнаго сына, которому было 3 года. Смерть столь любезнаго сына повергла его во гробъ 7го Апрѣля 1498 года. Людовикъ XII былъ его преемникомъ. Сей Принцъ, будучи еще Герцогомъ Орлеанскимъ, влюбился въ Анну и домогался ея руки; сердце его очень много пострадало отъ предпочтенія, которое сдѣлано Карлу VIII. Смерть сего послѣдняго возобновила его любовь и удовольствіе, раздѣлять вмѣстѣ свой тронъ съ тою, которая ему была столь драгоцѣнна, — и ето только занимало его мысли; одно токмо препятствовало его желанію: онъ былъ уже женатъ. — И такъ онъ рѣшился написать въ Римъ; получивъ разрѣшеніе, предложилъ вдовствующей Королевѣ свою руку. И какъ скоро Людовикъ XII развелся съ Анною Французскою: то Анна Бретанская чрезъ вторый бракъ снова взошла на престолъ.

Радость была всеобщая, какъ скоро узнали о семъ бракѣ, потому что

надѣялись, что Герцогство Бретань навсегда присоединялось къ Франціи. Людовикъ XII, желая изъявить почтеніе и угодить своей супругѣ, далъ ей полную свободу въ ея поступкахъ. Онъ отвѣчалъ однажды тѣмъ, которые жаловались на гордость ея: надобно все сносить отъ такой женщины, которая любитъ своего мужа и его честь. Но сіи жалобы не менѣе были основательны; ибо Королева до такой степени простерла гордость свою, особенно когда дѣло шло о Герцогствѣ Бретань, что онымъ управляла ни отъ кого независимо. Дабы показать пышность, она пожелала имѣть свою гвардію — и на сей случай составила оную изо ста человѣкъ, всѣхъ почти благородныхъ Бретанцевъ. Ихъ называли *Журавлями Королевы*; потому что она не выходила изъ своего дворца безъ сихъ тѣлохранителей, и желая показать неограниченную власть, часто заставляла ихъ долго себя дожидаться: то говорили: Вотъ Бретанцы стоятъ на жердочкѣ!

Прежде сего времени очень мало находилось дамъ при Дворѣ; но Анна де Бретань умножила число оныхъ и также ввела въ обыкновеніе, представлять ей пословъ. —

Будучи любима своими подданными, обожаема мужемъ, Анна желала только, чтобы Небо даровало ей сына. Небо не внимало ея прошенію — и, къ неудовольствію ея, дочь ея назначилъ Король Графу д'Ангулемъ, коего мать была ей непримиримымъ врагомъ. Касательно сего брака она изъявила Королю свое неудовольствіе, на что онъ отвѣчалъ ей: „Сударыня, знаете ли, что въ на„чалѣ созданія міра Богъ сотво„рилъ и Ланей, также какъ и Оленей „съ рогами; но Лани, видя на головѣ „своей столь прекрасные рога, поже„лали давать законъ Оленямъ, но „Богъ такъ былъ симъ раздраженъ, что „отнялъ у нихъ рога, предоставивъ „имъ только одно желаніе драться."

Въ 1513 году Король сдѣлался опасно боленъ; уже отчаявались въ его

жизни — и Королева намѣрена была возвратиться въ свое Герцогство съ дочерью, взявъ съ собою всѣ свои драгоцѣнности. Въ самомъ дѣлѣ она отправилась. Но Маршалъ де Гіе остановилъ ее при Сомурѣ, гдѣ онъ былъ Губернаторомъ, говоря, что такъ какъ Король боленъ: то онъ не можетъ никого выпустить изъ Королевства, безъ особеннаго на то позволенія. Королева воротилась назадъ, скрыла свою досаду, однако не замедлила явнымъ образомъ мстить. Какъ скоро Король выздоровѣлъ: то она употребила всю свою власть, какую имѣла надъ его умомъ, дабы наказать Маршала. Король послушался ее — и тотъ, который въ продолженіи сорока лѣтъ оказывалъ величайшія услуги отечеству и который въ семъ проступкѣ не имѣлъ другаго намѣренія, кромѣ пользы Государственной, рѣшеніемъ Генералъ-Прокурора Тулузскаго былъ осужденъ на смерть за то, что остановилъ Королеву, которой онъ былъ подданный: ибо онъ былъ уроженецъ Бретанской.

Однакожъ Королева, недовольная симъ приговоромъ, сказала, что смерть есть единственное избавленіе отъ всѣхъ бѣдствій. Судьи вникнули въ ея намѣреніе, и отняли у Маршала всѣ его почести и права, лишивъ на пять лѣтъ достоинства Маршала Франціи, и осудили жить въ 10 миляхъ отъ Двора. Сей несправедливый приговоръ возбудилъ всеобщее негодованіе; однако Маршалъ на ето ни мало не жаловался и будучи твердъ въ нещастіи, отправляясь въ деревню, принялъ себѣ за девизъ: *въ доброй часъ застигъ насъ дождь.* Онъ желалъ тѣмъ показать, что онъ доволенъ удаленіемъ отъ Двора, пока щастіе не развратило его сердца. Королева пережила Маршала, и потому нещастіе его продолжалось до самой смерти. —

Не взирая однакожъ на столь гордые и повелительные поступки, Анна де Бретань была очень милостива къ нещастнымъ. Она почитала для себя большимъ удовольствіемъ награждать

тѣхъ, которые ей служили, и помогать бѣднымъ дворянамъ. Какъ скоро узнавала она, что какое нибудь честное семейство претерпѣваетъ нужду: тотчасъ предупреждала ихъ прозьбы. У ней было множество алмазовъ, жемчугу, рубиновъ и всякаго рода драгоцѣнныхъ камней, коими дарила женъ Генераловъ Французскихъ, служившихъ отечеству и отличившихся какими нибудь знаменитыми дѣяніями. Но Людовикъ XII, опасаясь обременить налогами народъ, котораго былъ онъ отцемъ, дарилъ не слишкомъ много. Анна взяла на себя трудъ, разпредѣлять милости и награжденія; ученые, также какъ и всѣ тѣ, которые извѣстны были по своимъ заслугамъ, были предметомъ ея попеченій.

Анна первая ввела въ употребленіе воспитывать при Дворѣ дочерей знатныхъ людей, которыя потомъ назывались *дѣвицами Королевы.* Будучи очень увѣрена, что праздность есть мать всѣхъ пороковъ, она заставляла сихъ дѣвушекъ заниматься различнымъ

шитьемъ,
ла всѣ цер
ліерскій о
коими Спа
во время св
жила всту
мамъ ея
цѣломудрен
пи Вервіе
Она такж
трауръ; а
сили бѣлый
го учрежде
ній Брета
прежде за
Шаиллопы
въ немъ ор

Но она
что содѣла
разуміе и
ными при
не смѣли
сихъ двух
учреждая
которыми
сшо всякаго

шитьемъ, которымъ потомъ обогатила всѣ церкви. Она учредила Корделіерскій орденъ, въ честь Вервіи, коими Спаситель нашъ былъ связанъ во время своихъ страстей, и предложила вступать въ оный знатнымъ дамамъ ея Двора, увѣщевая ихъ жить цѣломудренно и имѣть всегда въ памяти Вервіе и цѣпи Іисуса Христа. Она также первая надѣла черный трауръ; а прежде ее, обыкновенно носили бѣлый. Она сдѣлала также много учрежденій и подарила свой древній Бретанскій дворецъ, называемый прежде замокъ Нижонъ, что близъ Шаиллоны, Павлу, который учредилъ въ немъ орденъ своего имени. —

Но она болѣе всего славилась тѣмъ, что содѣлала своимъ примѣромъ, благоразуміе и скромность столь почтенными при Дворѣ, что знатныя дамы не смѣли показаться къ оному безъ сихъ двухъ качествъ и что она, учреждая такое большое число дамъ, которыми всегда была окружена, вмѣсто всякаго щегольства и разсѣянности,

посѣяла въ сердцахъ Француженокъ сѣмена честности и цѣломудрія.

Января 9, 1514 года, смерть похитила сію Государыню. Всѣ объ ней сожалѣли. Тѣло ея съ величайшимъ великолѣпіемъ было отнесено въ Сент-Денисъ, гдѣ Францискъ Iй воздвигнулъ ей великолѣпную гробницу. —

ЖАННА АРКСКАЯ,

извѣстная подъ именемъ Орлеанской дѣвственницы.

Яковъ Аркскій, обработывая въ потѣ лица небольшой участокъ земли своей, часто разсказывалъ своему семейству о страшныхъ опустошеніяхъ, причиненныхъ Англичанами въ ихъ округѣ и сосѣдственныхъ деревняхъ. Жанна, меньшая дочь сего почтеннаго земледѣльца, тронута будучи жалостными повѣствованіями страждущаго и нещастнаго отца, не могла удержаться отъ гнѣва и слезъ. Часъ отъ часу она болѣе

воспламенялась патріотическою ревностію и не смотря на совершенную нѣжность возраста своего, предприняла смѣлое намѣреніе освободить свое отечество отъ враговъ.

Имѣя отъ природы необычайное мужество съ чрезмѣрною чувствительностію, которая, при пылкомъ рвеніи, при сильномъ желаніи согражданамъ блага и любви къ отечеству, производитъ иногда достопамятные перевороты — сія простая пастушка не видитъ ничего невозможнаго въ своемъ предпріятіи. Ей было только 17 лѣтъ, какъ она, вмѣстѣ съ своею матерью, явилась къ Вокулерскому Губернатору Г-ну Бодрикуру, которому представила свое обширное предпріятіе въ слѣдующихъ словахъ: Милостивый Государь! извольте вѣдать, что не задолго предъ симъ Богъ объявилъ мнѣ, что я должна идти защищать Дофина, что Онъ дастъ мнѣ воиновъ: я сниму осаду съ Орлеана и приведу Дофина въ Реймсъ, для муропомазанія.

Губернаторъ не могъ удержаться отъ смѣха, и шутя надъ нею, отослалъ ее, какъ пустую мечтательницу. Молодая поселянка не оставила своего предпріятія. Нѣсколько разъ приходила къ начальнику, въ полной надеждѣ, что она будетъ имѣть успѣхъ въ своемъ дѣлѣ. Бодрикуръ отважился наконецъ препроводить ее къ Королю, находившемуся тогда въ Шеноѣ.

Жанна явилась къ Карлу VII, окруженному Дворомъ, съ благородною отважностію, внушаемою ей глубокимъ чувствованіемъ силы и внутреннимъ удостовѣреніемъ въ скоромъ успѣхѣ. Придворные пришли отъ сего въ изумленіе; ибо она, при дарованіяхъ ума и возвышенной души, получила отъ природы наружную красоту и величественную осанку; особливо Монархъ не могъ надивиться, съ какою твердостію, откровенностію и правотою изъяснялась она при такомъ важномъ собраніи, гдѣ приходятъ въ замѣшательство даже такіе люди, которые привыкли быть въ большомъ свѣтѣ.

Сорбонскимъ судьямъ и Докторамъ дано повелѣніе, разпросить ее о знакахъ ея посланія. *Поведите меня въ Орлеанъ*, отвѣчала она, *и вы увидите тамъ ясныя доказательства.* Она препровождена была туда славнымъ Дюноа — и съ того времени дѣла Французовъ перемѣнили свой видъ, подъ счастливымъ ея руководствомъ.

Множество военныхъ людей, привлеченныхъ симъ чрезвычайнымъ произшествіемъ, наперерывъ спановились подъ знамена Жанны Аркской, по пріѣздѣ ея въ Орлеанъ. Ей даны въ Порушчики Маршалъ Рie и Адмиралъ Куланъ, съ которыми она осматривала войска, состоявшія изъ семи тысячь человѣкъ. Но, желая токмо поступать по законамъ справедливости, она послала объявить Англичанамъ, чтобъ они возстановили Королевство, ими разоренное. Вмѣсто отвѣта, они заковали въ желѣза посла ея. Жанна требовала выдачи онаго, но непріятели отвѣчали ей ругательствами. Сіе

было знакомѣ къ непріятельскимъ дѣйствіямъ.

Новая Амазонка сдѣлала начало постепеннымъ нападеніемъ на пять укрѣпленій, весьма близко окружавшихъ городъ; первое въ мигъ было взято; 160 Англичанъ положено на мѣстѣ и 200 взято въ плѣнъ.

Второе и третіе не долго держались, но при четвертомъ ложный страхъ разсѣялъ Французскія войска въ то самое время, какъ приставляли лѣстницы къ стѣнамъ. Жанна, не могши ихъ удержать, старалась по крайней мѣрѣ прикрыть решираду. Тогда осажденные, выступя съ поспѣшностію, устремились противъ нее. Она, съ негодованіемъ видя себя преслѣдуемою, возвращается съ гордостію, одна идетъ противъ нихъ. Французскія войска, устыдясь своего поступка и уважая неустрашимую предводительницу свою, тотчасъ собрались вокругъ ея — и крѣпость взята въ одно мгновеніе ока.

Оставалось послѣднее и труднѣйшее для взятья укрѣпленіе Турнельское, защищаемое Глацидасомъ, Крильйономъ своего вѣка. Неутомимая воинственница, которой дѣятельность превосходила самую храбрость, провела ночь подъ ружьемъ и по утру на другой день была первая на приступѣ. Въ одной рукѣ держа свое знамя, а въ другой ужасный мечь, поощряла войска движеніями и голосомъ — она уже была на стѣнахъ, какъ вдругъ стрѣла поразила ее въ плечо. Она, тотчасъ выдернувъ стрѣлу, сказала: *ничего, друзья мои! это легкій ударъ.*

Сколько ни старалась она поддерживать себя, однако силы ея совсѣмъ ослабѣли — Жанна принуждена была удалиться. „Теперь непріятель пропалъ: „очарованіе исчезло!“ кричали съ восторгомъ Англичане. (Они почитали ее волшебницею.) При сихъ словахъ Французы опустили руки — сердца ихъ охладѣли; самъ Дюноа, поперявшій

силы отъ безпрерывныхъ трудовъ, намѣренъ былъ уже отступить.

Жанна, отлучась только для перевязки раны, немедленно опять явилась, обагренная собственною своею кровію. Присутствіе ея тотчасъ ободрило унылыя сердца. Четыре раза Французскія войска были отражаемы, четыре раза опять приступали по гласу неустрашимой Амазонки, сражаясь съ безпримѣрною отважностію, мало по малу выгоняли Англичанъ, кипѣвшихъ яростію и бѣшенствомъ — и наконецъ 8 го Марта, 1429 года, послѣ сраженія, продолжавшагося 14 часовъ съ неслыханнымъ остервенѣніемъ, сняли осаду съ Орлеана.

Когда осажденные, въ ужасѣ отъ пораженія, бѣгали безъ памяти: Французскіе солдаты хотѣли ихъ побить; но Героиня не допустила до сего, сказавъ: „*Дадимъ имъ уйти; мы свое дѣло сдѣлали; на что безъ нужды убивать?*“ — Гесклень и воспитанникъ его Клисонъ не поступили бы

съ большимъ благоразуміемъ и человѣколюбіемъ.

Сіи знаменитые подвиги всюду разпространили славу завоевательницы, единогласно названной тогда *Орлеанскою дѣвицею*, такъ какъ нѣкогда въ Римѣ назвали двухъ Сципіоновъ *Африканскимъ* и *Азіатскимъ*.

Она не воздремала подъ тѣнію своихъ лавровъ; Французамъ, для большей свободы, надобно было взять еще многія крѣпости, откуда непріятели могли безопасно имъ сопротивляться. Дѣвица прямо отправилась въ Жермо, гдѣ укрѣпился Графъ Суффолькъ. Французскій отрядъ, коему поручена сія осада, находился подъ предводительствомъ Герцога Алансона, который недавно только женился. Когда онъ былъ подъ башнями города: туча стрѣлъ помрачила воздухъ и пала вокругъ его. Жанна, идучи подлѣ него, сказала ему: „*Пойдемъ, Герцогъ, на приступъ!*“ Потомъ, увидя его въ смущеніи и задумчивости, примолвила съ веселымъ видомъ: „*Не бойшесь ничего; я обѣщала Герцо-*

гинѣ, супругѣ вашей, доставить васъ къ ней въ совершенномъ здоровьѣ, и сдержу свое слово.“

Храбрая Амазонка, присоединяя къ увѣщаніямъ своимъ примѣръ, тотчасъ велѣла приставить лѣстницы къ стѣнамъ. Въ одинъ мигъ взлетѣла на послѣднюю ступеньку и лишь только ступила на парапетъ, какъ вдругъ копье сверглo ее въ ровъ, гдѣ она лишилась чувствъ; но чрезъ четверть часа, пришедъ въ себя, встала, забыла всю боль — и вскоча на стѣну съ быстротою молніи, закричала: „*Друзья! не ослабѣвайте. Англичане въ нашихъ рукахъ!*“ При сихъ словахъ войска Французскія, подобно быстрымъ волнамъ, устремились на крѣпость. Рено, Прованскій дворянинъ, взялъ въ плѣнъ Суффолька съ братомъ его, тысячу двѣсти человѣкъ гарнизона и около тысячи положено на мѣстѣ; потомъ крѣпости Мень, Божанскій, Провансъ, Лаонъ и Замокъ Тіерръ-ской достались въ руки Французовъ, безъ всякаго выстрѣла.

Не смотря на взятье стольких крѣпостей, Французы едва имѣли время нѣсколько успокоиться. Надобно было еще сражаться со многими Англинскими корпусами, неожиданно присланными отъ Герцога Бедфордскаго, Правителя Королевства. Они были подъ начальствомъ Генераловъ Фастоля и славнаго Тальбота, и не сомнѣвались, что съ такими искусными Полководцами одержатъ знаменитую побѣду.

Сильные сіи противники были ужасны какъ числомъ войскъ, такъ дисциплиною и другими различными пособіями, которыхъ у Французовъ недоставало. Дюноа, не предпринимая еще ничего, спросилъ у дѣвицы: атаковать ли непріятеля? „*Безъ сомнѣнія*, отвѣчала она, *хотя бы онъ носился на облакахъ; намъ только надобно шпоры.*“ Какъ! развѣ намъ должно бѣжать будетъ? спросилъ ее Герцогъ Алансонъ. „*Отнюдь нѣтъ; Англичане* они *насъ побѣгутъ. Намъ трудно будетъ догонять.*“

Предсказаніе скоро сбылось. Дѣйствіе началось въ Босскихъ равнинахъ. Генералъ Фастоль страшась, что Домреймская воинственница имѣетъ силу вдыхать храбрость, поспѣшно убѣжалъ и войска свои привелъ въ замѣшательство. Самъ Тальботъ тщетно превозмогалъ себя при семъ случаѣ. Принужденъ будучи уступить духухранителю, дѣлавшему Французскіе легіоны непобѣдимыми, онъ взятъ въ плѣнъ *Потономъ Сентральскимъ*.

Не возможно понять безпечности Карла въ продолженіи сихъ походовъ, сколько неожиданныхъ, столько и блистательныхъ. Онъ оставался холоднымъ и спокойнымъ зрителемъ тогда, когда долженъ былъ защищать драгоцѣнѣйшія свои преимущества. Орлеанцы, горя желаніемъ видѣть своего Государя, которому оказали себя столь вѣрными, готовились къ принятію его наилучшимъ образомъ. Со дня на день ожидали его. Ихъ ласкали сею надеждою, однако она не свершилась. Будучи занятъ единственно интригами своихъ

придворны
ное время
поддержив
вымышлял
гордости
заній дру
Дѣвиц
желая ис
ственно
влечь Кор
ности.
телерь не
ствовать
Реймсъ, д
роны." Сі
но нелѣпы
кѣмъ-либо
ѣхать 80
рая занят
драженным
ній. Въ
равно ка
ководцы в
тельно в
Ришмона
Тремоал

придворныхъ, онъ тратилъ драгоцѣнное время въ тайныхъ совѣтахъ, гдѣ поддерживалось честолюбіе однихъ и вымышлялись средства къ униженію гордости, или къ обезсиленію притязаній другихъ.

Дѣвица Орлеанская, нетерпѣливо желая исполнить обѣщаніе, торжественно ею данное, поспѣшила извлечь Короля изъ крайней его безпечности. „*Государь!* сказала она ему, *теперь нечего мѣшкать, время дѣйствовать; надобно вамъ ѣхать въ Реймсъ, для принятія Королевской короны.*“ Сіе предложеніе было бы сочтено нелѣпымъ, еслибъ было сдѣлано кѣмъ-либо другимъ. Надлежало проѣхать 80 миль такою землею, которая занята была непріятелями, раздраженными отъ многихъ пораженій. Въ деньгахъ былъ недостатокъ, равно какъ и въ аммуниціи. Полководцы въ несогласіи. Тремоаль смертельно ненавидѣлъ Коннетабля Ришмона, а сей поклялся погубить Тремоаля. Вельможи Королевства,

но крайнему ослѣпленію, ни мало не старались объ удаленіи жестокихъ чужеземцевъ, которые ихъ терзали.

И такъ благополучіе Монархіи зависѣло отъ 18-лѣтней поселянки. Чего не производитъ постоянный энтузіасмъ и сила добраго мнѣнія, основаннаго на заслугахъ, особливо же на правдѣ! Множество Князей, Вельможъ, Генераловъ и храбрыхъ Рыцарей, какъ бы по нѣкоему очарованію, стеклись подъ знамена Жанны и смѣло направили свой путь къ Бургоніи. Хотя Герцогъ сей области былъ еще движимъ мщеніемъ за смерть отца своего; однако, по кратковременномъ сопротивленіи, Оксеръ отворилъ свои ворота Королю и изобильно снабдилъ его всѣми съѣстными припасами, въ которыхъ онъ имѣлъ великую нужду.

Войска Французскія безпрепятственно прошли сію провинцію и прибыли къ Троа, мятежническому городу, въ коемъ, девять лѣтъ тому назадъ, заключенъ былъ постыдный трактатъ, по которому у Карла VII отняты вла-

дѣнія предк
VI. Матеж
и Королевс
страшны;
артиллеріи
и не льзя
могли взят
укрѣпленны

Стѣны
отъ звука
неусыпной
ляло пѣ же
зала, что
дней, войд
шежный го
скій, слыш
ей съ улыб
для сего се
весьма счаст
свое слово.“

Воинст
ливымъ сов
лата, не п
съ бѣлаго к
обыкновенно
приступъ.

дѣнія предковъ его и отданы Генриху VI. Мятежники начали защищаться, и Королевскія войска были для нихъ не страшны; потому что не имѣли ни артиллеріи, ни машинъ, ни припасовъ — и не льзя было повѣрить, чтобъ они могли взять сей древній и хорошо укрѣпленный городъ.

Стѣны Іерихонскія пали нѣкогда отъ звука трубъ. Одно присутствіе неусыпной Амазонки почти возобновляло тѣ же чудеса. Она смѣло сказала, что Государь, прежде трехъ дней, войдетъ побѣдителемъ въ мятежный городъ. Архіепископъ Реймскій, слыша сіе пророчество, сказалъ ей съ улыбкою: „дочь моя! назначь для сего семь дней — и мы будемъ весьма счастливы, ежели ты сдержишь свое слово.“

Воинственница, тронутая насмѣшливымъ сомнѣніемъ недовѣрчиваго Прелата, не теряетъ времени, сходитъ съ бѣлаго коня своего, на которомъ обыкновенно ѣзжала — и спѣшитъ на приступъ. Уже знамя ея развѣвается

надъ рвами. „*Подайте фашины!*“ приказываетъ она изумленнымъ солдатамъ. Вдругъ очарованіе дѣйствуетъ: поспѣшно открываетъ она себѣ путь сквозь тучи стрѣлъ и лѣса копьевъ, особенно противъ ея устремленныхъ. Все преклоняется предъ нею; осажденные съ трепетомъ кладутъ ружья — и гарнизонъ въ страхѣ разбѣгается.

Никогда не бывало такого скораго завоеванія. Цезарь пришелъ, увидѣлъ и побѣдилъ; но Жанна Аркская, которой предшествовалъ громъ имени ея, дѣйствительно побѣждала, прежде нежели показывалась. Прочія крѣпости не ожидали даже и прибытія ея. Все покорялось въ ея шествіи; жители Шалона спѣшили смиренно поднесть ключи своего города удивленному Карлу VII.

Оставалось только обезоружить Реймсъ, снабдѣнный сильнымъ гарнизономъ. Все благопріятствовало Французамъ въ сихъ удивительныхъ обстоятельствахъ. Комменданшъ,

въ замѣшательство приведенный, поспѣшилъ собрать народъ и объявилъ ему, что онъ непремѣнно долженъ искать необходимо нужнаго подкрѣпленія для отраженія непріятеля; подъ симъ предлогомъ намѣрился онъ удалиться честнымъ образомъ, дабы не подвергнуть людей своихъ неизбѣжной гибели; увѣщевалъ жителей Реймса, чтобъ они мужественно защищались до его возвращенія — и, пользуясь темнотою ночи, уѣхалъ.

Не было надобности вынимать шпаги. Королевская армія съ барабаннымъ боемъ и съ распущенными знаменами вошла въ городъ, гдѣ Капеты обыкновенно получали святое муропомазаніе. Въ сію минуту предсказаніе совершенно сбылось. Король муромъ помазанъ и коронованъ при безпрерывныхъ восклицаніяхъ народа: *Да здравствуетъ Карлъ! да здравствуетъ Орлеанская дѣвица!* Юная Героиня, будучи въ необычайномъ восхищеніи, въ продолженіи всей священной церемоніи, держала свое знамя

по правую сторону торжествующаго Монарха; потомъ повергласъ къ ногамъ его, съ благоговѣніемъ обняла ихъ и, проливая слезы, говорила съ скромностію и чистосердечіемъ: „*Наконецъ, Государь, воля Божія исполнилась. Онъ хотѣлъ, чтобы ты пошелъ въ Реймсъ принять муропомазаніе и тѣмъ показать, что ты истинный Государь, которому должно принадлежать Королевство.*“

Можетъ быть, иные, по словамъ одного ученаго мужа, сочтя Донреймскую воинственницу за одно съ толпою шѣхъ наемниковъ, которыхъ будто бы званіе состоитъ необходимо въ убиваніи по правиламъ себѣ подобныхъ, представятъ, что она всюду разсѣвала кровопролитіе и смерть; но она была не такова: она гнушалась убійствъ, будучи столь же человѣколюбива, сколь отважна. Сильная мышца ея внушала страхъ. Она подвергала себя ударамъ, но никогда не наносила ихъ никому, развѣ для защищенія своей жизни или свободы. Я хочу гнать

вратовъ Короля моего, говорила она, а никого не желаю убивать. Ежели бы всѣ такъ поступали, сколь бы достопочтенно было званіе военныхъ людей и сколь великія права имѣли бы они на уваженіе наше!

Заслуги отличныя требовали и награжденій отличныхъ. Жанна не требовала ни малѣйшей награды и весьма удивилась, когда поднесли ей золотыя медали, выбитыя для преданія великихъ дѣлъ ея потомству, и когда пожаловано было ей дворянство со всѣми потомками ея въ мужескомъ и женскомъ колѣнахъ. Къ славному имени Орлеанской дѣвицы присовокуплено еще названіе Жанны Лиліи, и данъ ей гербъ, изображающій серебряный мечь, поддерживающій золотую корону.

Сіи блистательныя почести, которыя, по большой части, возбуждаютъ въ людяхъ гордость, не вадмѣвали сердца смиренной сей пастушки. На самомъ верху славы она всегда сохраняла необыкновенную умѣренность, какъ несомнѣнный знакъ истиннаго

достоинства, равномѣрно искренность и чистоту нравовъ, и просила себѣ отпуска, потому болѣе, что двоякое посольство ея уже исполнено. Но Карлъ, коего корона не довольно еще была утверждена, просилъ ее остаться, и она не могла противиться его желанію; предводительствуяжъ арміею, прошла по порядку всѣ провинціи, гдѣ находились Англичане: побѣда всюду слѣдовала по ея стопамъ.

Жанна Лилія, по тайному предчувствованію близкихъ нещастій, часто повторяла съ невинною простотою: „дай Богъ мнѣ скорѣе удалиться къ моимъ родителямъ, дабы имъ служить и пасти стада съ сестрою и брашьями!“

Причину сего желанія, столь противоположнаго неустрашимому ея мужеству, она темно понимала. Хотя и неизвѣстны ей были вѣроломство и хитрость Дворовъ; однако давно примѣчала она, что придворные не любили Карла и ее проклинали. Раздража Англичанъ, возбудила она зависть и въ

своихъ соо
и Генерал
Агнессы
рамъ, ихъ
всѣ средств
рая ихъ со
При ос
храбрая А
по своему
пости, нах
между тѣм
солдатъ сп
стоко ране
чувствъ за
ее отъ стр
наступающ
занимался
лась одна.
мочь ей, но
снять осад
Нещасп
но уменьш
ность солда

(*) Любовни

своихъ соотечественникахъ. Офицеры и Генералы малодушнаго обожателя Агнессы Сорели (*), завидуя лаврамъ, ихъ помрачившимъ, изыскивали всѣ средства къ погубленію той, которая ихъ собрала.

При осадѣ Парижа, въ 1430 году, храбрая Амазонка, первая приступя, по своему обыкновенію, къ атакѣ крѣпости, находилась тутъ почти одна; между тѣмъ какъ увѣщевала своихъ солдатъ способствовать ей, была жестоко ранена въ лядвею и упала безъ чувствъ за возвышеніе, защищавшее ее отъ стрѣлъ осаждаемыхъ. Въ семъ наступающемъ бѣдствіи никто ею не занимался — и она цѣлый день оставалась одна. Вечеромъ пришли не помочь ей, но объявить о необходимости снять осаду.

Нещастіе дѣвицы нечувствительно уменьшало почтеніе и привязанность солдатъ къ ней. Начали надъ

(*) Любовница Карла VII.

нею шутить и язвительнѣйшимъ образомъ поносить и скоро дошли до ужаснѣйшей неблагодарности. Чувствительно оскорбленная таковымъ поноснымъ забвеніемъ, она рѣшилась оставить военную службу — и, все свое вооруженіе подаривъ Аббатству Св. Діонисія, надѣла прежнее свое сельское платье. Король, встревоженный такою рѣшимостію ея, тотчасъ призвалъ ее къ себѣ. Она не сильна была сопротивляться Государю, для котораго столько разъ подвергала опасности жизнь свою, и еще, къ нещастію своему, препоясалась мечемъ.

Все вооружилось какъ внѣ, такъ и внутри, противъ безсмертнаго егида Франціи. Послѣ вышеписаннаго произшествія Жанна Лилія заключилась въ Компіенѣ, котораго осаду выдерживали Французы. Будучи не столь удачна въ защищеніи крѣпостей, сколько въ нападеніи на оныя, она была взята при вылазкѣ. Надобно сказать, что съ нѣкотораго времени Французскія войска охраняли ее

съ меньшею осторожностію, и при семъ нещастномъ случаѣ она не была подкрѣплена; они даже подпустили къ ней самой одного Шотландскаго жандарма, который неожиданно напалъ на нее и сбилъ съ лошади.

Соединяя благоразуміе съ храбростію, неустрашимая воинственница нимало не смѣшалась. Хотя со всѣхъ сторонъ окружена была непріятелями; однако защищалась съ удивительнымъ мужествомъ, устилала землю трупами и открыла себѣ путь къ городскимъ воротамъ; но Губернаторъ Фламвій приказалъ ихъ затворить въ ту самую минуту, когда она хотѣла войти. Не льзя ничего представить себѣ гнуснѣе сей измѣны. Писатели тогдашняго времени не входятъ въ подробности сего обстоятельства. Извѣстно только то, что стоявшіе на стѣнахъ Французы, будучи свидѣтелями крайняго замѣшательства храброй своей предводительницы, не сдѣлали никакого движенія къ защищенію ея.

Принуждена будучи сражаться въ одно время съ силою и вѣроломствомъ, Орлеанская дѣвица должна была уступить. Она сдалась Ліонету, который продалъ ее Жану де Люксембургъ-Лини. Сей, предводительствуя Бургиньйонскими войсками, не устыдился перепродать ее Англичанамъ за десять тысячь фунтовъ стерлинговъ (*). Сіи изъявили безумную радость, которая всѣхъ ихъ обезчестила. Въ соборныхъ церквахъ пѣли благодарные молебны; въ Лондонѣ и Парижѣ отправлялись всякія торжества, и работы оставлены были на цѣлый мѣсяцъ.

Молодые и чувствительные читатели! вы, которые близки еще къ природѣ и не знаете, до чего можетъ доходить превратность человѣческая,

(*) Выкупъ Короля Іоанна не болѣе стоилъ. По такой большой суммѣ можно судить о знаменитости Героини и о страхѣ, ею внушенномъ расхитителямъ Франціи.

вы, безъ сомнѣнія, ожидаете, что та, которая возстановила падшую Монархію, возбудитъ всеобщее удивленіе и найдетъ, въ несчастіи своемъ, ревностныхъ защитниковъ. Увы! знайте, что есть время, въ которое человѣкъ бываетъ ниже скота! Между всѣми современниками ея ни одинъ не чувствовалъ нималѣйшей искры того истиннаго огня, которымъ она пламенѣла. Бывъ погружены въ грубое невѣжество, или окованы узами самолюбиваго суевѣрія (*), одни дѣйствительно почитали ее волшебницею, а другіе изъ зависти жестоко гнали ее.

До какой степени фанатизмъ ослѣпляетъ умы! до какой степени

(*) Жіакъ, внукъ Канцлера сей фамиліи, бывъ осужденъ на отсѣченіе головы Коннетаблемъ Ришмономъ, котораго власть равнялась съ Государевою, признался, что, для составленія своего счастія, онъ далъ свою правую руку дьяволу и неотступно просилъ, чтобъ ему отрубили ее, дабы, говорилъ онъ, злый духъ не унесъ всего тѣла. —

онъ заглушаетъ чувствованія правоты, чести и человѣчества! Многія особы, сильныя довѣренностію своею и богатствомъ, знатнѣйшіе Англичане и даже Филиппъ добрый, сей мощный Государь, котораго власть равнялась съ пространными его владѣніями, приходили изъ любопытства видѣть добродѣтельную воинственницу въ темницѣ ея. Ни вопль удивленія, ни гласъ сожалѣнія не возбуждался въ ихъ сердцѣ, погрязшемъ въ нечистотахъ, при воззрѣніи на невинность и красоту, стенающую среди оковъ. Не только не старались они объ освобожденіи ея; но напротивъ самый Университетъ, который долженъ былъ сохранять еще нѣкоторыя искры свѣта въ сіи времена тьмы, превзошелъ въ варварствѣ даже Англичанъ самихъ. Онъ подалъ жалобу на возстановительницу Франціи, которую и Парламентъ подписалъ. А что еще болѣе: безпечный Карлъ VII, который бы долженъ былъ за нее пожертвовать самыми лучшими своими просин-

дiями, или съ вооруженною рукою поспѣшить на спасеніе великодушной своей защитницы, слышалъ жестокій приговоръ о преданіи ея на сожженіе; но ледяное сердце его, отравленное ядомъ сластолюбія, лишено было чувствительности и сострадания.

Но разсмотримъ самые поступки: они лучше опишутъ намъ все сіе, нежели наши разсужденія. Не возможно читать безъ ужаса, что Вовейскій Епископъ, Петръ Кошонъ, согнанный съ престола за вѣроломство и другія злодѣянія, дѣлалъ различные недостойные замыслы для погубленія Героини, заслуживающей уваженіе во всякомъ отношеніи. Кошонъ, ревностнѣйшій гонитель Франціи, подлый рабъ, проданный сердцемъ Англичанамъ, надѣясь лучше насытить собственную злость, просилъ себѣ дозволенія — какъ нѣкоей милости — судить Орлеанскую дѣвицу; Исторія свидѣтельствуетъ, что онъ не устy-

пилъ сей жертвы брату Маршенію, главному Намѣстнику Инквизиціи.

Въ Руанѣ производилось слѣдствіе надъ Жанною Лиліею. Какіяжъ причины можно было представить къ обвиненію ея? Тѣ же, въ коихъ обвиняютъ великихъ людей вообще. Подлый человѣкъ, униженный вышшими дарованіями (которыя Промыслъ дѣлитъ по Своему), находитъ свою утѣху въ очерненіи ихъ, и ахъ! самый умный часто съ завистію на нихъ смотритъ.

Бовейскій Епископъ, внутренно увѣренный въ несправедливости своей тяжбы, отважился на все, дабы сыскать хотя нѣкоторые маловажные проступки къ обвиненію ея. Онъ вздумалъ изслѣдовать жизнь ея еще до прибытія ко Двору. Для сего поспѣшно отправилъ нарочнаго въ Домреймскую деревню для развѣданія о поведеніи ея еще въ дѣтствѣ. Посланный привезъ свидѣтельства въ пользу ея; Кошонъ взбѣсился, разругалъ его и не заплатилъ ему денегъ за путевыя издержки.

Любомстительный Епископъ не требовалъ ей похвалъ. Ему надобно было перемѣнить свои козни и поддѣлать доказательства. Для сего употреблены были насиліе, коварство и ложь. Чтобы изобличить плѣнницу и заставить ее противорѣчить себѣ самой, сдѣлано ей множество коварныхъ вопросовъ, на которые отвѣчала она съ совершенною точностію и ясностію. Изъ отвѣтовъ ея особенно видѣнъ природный разумъ и совершенная проницательность, которыя иногда замѣняютъ у другихъ воспитаніе и просвѣщеніе. Судіи невѣжи и суевѣрные старались изобличить ее въ суевѣріи.

Сперва спросили ее о маленькой дѣвочкѣ, которую, по мнѣнію народа, она воскресила. Я никого не воскрешала, отвѣчала она; а сей младенецъ, котораго почитали мертворожденнымъ, когда принесенъ былъ въ церковь къ крещенію, оказалъ нѣкоторые знаки жизни — и ежели онъ ожилъ: то одному Богу должно приписать сіе чудо.

Всякій дѣланный ей вопросъ былъ или сѣтію, или глупостью. Потомъ спрашивали у нее: Король имѣлъ ли также видѣнія, какъ она? — Пошлите спросить у него, отвѣчала она. — Обѣщали ли ей небесные духи свободу? — Ето до моего слѣдствія не относится. — Часто ли она перемѣняла свое знамя? — Всякой разъ, когда оно ломалось. — Увѣряла ли войска свои, что знамя ея доставитъ счастіе? — Я ни въ чемъ не увѣряла, а говорила солдатамъ: ступайте смѣло въ средину арміи; я сама съ вами иду! — Есть ли у Святыхъ перстни и браслеты? — Вы взяли у меня одинъ перстень, сказала она Кошону; возвратите мнѣ его. — Ангелы одѣты или наги? — Ужъ ли вы думаете, что Богу нечѣмъ ихъ одѣть? — На что она, при обрядѣ муропомазанія, держала свое знамя подлѣ Короля? — Участвовавъ въ трудахъ и опасностяхъ, надлежало участвовать и въ чести!

Злобные и коварные судіи, ослѣпленные страстію, иногда кричали всѣ

вдругъ. „С
мои! отв
одинъ посл
но“ Иногд
приличныхъ
холодностію
щихъ здѣсь
сшія: тог
кой умъ, к
какая благор
немъ положе

Такимъ
стая и нич
стязалась
безсовѣстных
ластическим
изъ нихъ,
сожалѣнія к
товалъ ей
разсмотрѣнія
дѣ на соборѣ
быть во Фра
сей благоразум
но требовала
предвидя послѣ
ный взоръ на

вдругъ. „Сдѣлайте милость, Государи мои! отвѣчала она имъ; говорите одинъ послѣ другаго, ежели вамъ угодно“ Иногда же, слыша множество неприличныхъ вопросовъ, отвѣчала съ холодностію: „спросите присутствующихъ здѣсь, относится ли сіе до слѣдствія: тогда я буду отвѣчать.“ Какой умъ, какое присутствіе духа и какая благородная твердость въ подобномъ положеніи!

Такимъ образомъ юная, простая и ничему неученая дѣвица состязалась съ толпою Богослововъ, безсовѣстныхъ и вооруженныхъ схоластическими тонкостями. Одинъ изъ нихъ, человѣкъ честный, изъ сожалѣнія къ сей несчастной, совѣтовалъ ей требовать аппелляціи и разсмотрѣнія дѣла ея въ Папскомъ судѣ на соборѣ, который скоро имѣлъ быть во Франціи. Она, выслушавъ сей благоразумный совѣтъ, немедленно требовала аппелляціи. Кошонъ, предвидя послѣдствія оной, бросилъ грозный взоръ на добраго совѣтника и

закричалъ: „ну къ чорту, братъ Изембардъ! молчи и не мѣшай намъ дѣлать.“ Потомъ, наклонясь къ Протоколисту, шепнулъ ему, чтобы онъ отнюдь не упоминалъ объ аппелляціи. „Увы! воскликнула дѣвица, вздохнувши, вы пишете не къ пользѣ моей, а къ погибели.“

Кошонъ, приведенный въ отчаяніе твердостію и невинностію дѣвицы, прибѣгнулъ къ безчестнымъ способамъ: началъ дѣлать подложные отвѣты съ ея стороны, подкупать свидѣтелей и даже употреблять насиліе, дабы вынудить у нее признаніе въ ереси, о которой она доселѣ не имѣла никакого понятія и даже не вѣдала сего имени. Онъ нетерпѣливо ожидалъ развязки сего адскаго замысла и рѣшился ускорить его, потребовавъ свою жертву къ пыткѣ. Она была тогда чуть жива отъ худаго и безжалостнаго обхожденія съ нею въ мрачной темницѣ, охраняемой наглою и звѣрскою стражею, и напередъ объявила все то несправедливымъ, что

пыткою
противъ и
сясь, что
чительств
ся чрезъ
отвращите
за великія
чей, конор
возстанови

Какъ с
вилась: то
чать гибел
внушенія с
вѣстнаго ве
въ Сенп-У
Николай Ми
варищъ Пел
подъ видомъ
ской пропо
тельствами
го Монарха.
вопіялъ нар
правилъ Ева
дѣльница;
раскольнакъ
ственница

пыткою будетъ исторгнуто у нее противъ истины. Но Англичане, опасаясь, чтобъ она не умерла среди мучительствъ и чтобы имъ не лишиться чрезъ то преднамѣреваемаго ими отвратительнаго зрѣлища, выписали за великія издержки славныхъ Врачей, которыхъ искусство и стараніе возстановили ея здоровье.

Какъ скоро дѣвица нѣсколько оправилась: то палачи ея спѣшили начать гибельной свой приговоръ. Для внушенія страха, доселѣ еще неизвѣстнаго великой душѣ ея, отвели ее въ Сенп-Уанское Аббатство. Тамъ Николай Миди, весьма достойный товарищъ Петра Кошона, говорилъ рѣчь, подъ видомъ утѣшительной Христіанской проповѣди, наполненной ругательствами противъ нее и Французскаго Монарха. „Тебѣ глаголю, Жанна! вопіялъ нарушитель божественныхъ правилъ Евангелія, ты колдунья, бездѣльница; твой Государь еретикъ, раскольникъ!“ Великодушная воинственница терпѣливо слушала клеве-

ины, противъ нее изрыгаемыя; но когда проповѣдникъ началъ поносить Карла, она не могла умолчать: „при всемъ уваженіи моемъ къ вамъ, милостивый Государь! сказала она, я клянусь моею жизнію, что Король мой не таковъ, какимъ вы его называете.“

Для наблюденія нѣкотораго вида справедливости, надобно было получить отъ нее какое нибудь признаніе — и Николай Миди принудилъ ее къ нѣкоторому отреченію. Она не знала, чего отъ нее требуютъ. А когда изъяснили ей: то она, вспомнивъ совѣтъ добраго Изембарда, требовала аппелляціи на разсмотрѣніе дѣла будущему собору. „Ты должна теперь сдѣлать отреченіе — сказалъ ей пустосвятъ, ее увѣщававшій — или будешь сожжена,“ и въ сію минуту читали ей форму отреченія, въ которомъ обѣщала она не носить мужскаго платья. Этого она сердечно желала и тотчасъ подписала бумагу. Но по коварству, достойному

сихъ изверговъ, она, вмѣсто сей бумаги, подписала другую, которую ей подсунули и въ которой признавала себя распутною, идолопоклонницею, возмутительницею и призывательницею демоновъ.

Послѣ сей исповѣди, толь гнуснымъ обманомъ вынужденной, осудили ее на вѣчное заточеніе. Графъ Варвикъ, раздраженный симъ приговоромъ, укорялъ судей за крайнюю ихъ снисходительность, говоря, что Англинскій Король купилъ сію распутную дѣвку очень дорого: не уже ли ему не имѣть удовольствія видѣть ее сожигаемою? „Не безпокойтесь, Графъ! отвѣчалъ Бовейской Епископъ, мы знаемъ, какъ еще ее поддѣть.“

Сказано выше, что ее принудили дать обѣщаніе не носить мужскаго платья. Когда отвели ее опять въ тюрьму, тотчасъ употребили средство заставить ее нарушить присягу: у сонной дѣвицы сей украли

женское платье и, на мѣсто его, положили военный мундиръ.

По утру, когда плѣнница хотѣла одѣваться и не нашла своего платья, горько жаловалась своимъ приставникамъ; но сіи отвѣчали ей только насмѣшками и ругательствами. Она рѣшилась-было лежать въ постелѣ до двухъ часовъ; но принуждена встать хотя на одну минуту. Сіи заставили ее прикрыться такимъ платьемъ, какое при ней случилось. Въ мигъ вошли въ комнату посланные за нею присматриватъ и обличили ее при свидѣтеляхъ въ нарушеніи данной клятвы.

Сего предлога, сколь онъ ни гнусенъ, было слишкомъ достаточно для Бовейскаго Епископа. „Прекрасно! возопилъ извергъ съ громкимъ хохотомъ, теперь она въ нашихъ рукахъ.“ Тогда Жанна Лилія предана была свѣтской власти, какъ преступница всѣхъ законовъ Божескихъ и человѣческихъ. На голову надѣли ей митру, а на грудь повѣсили доску съ изображеніемъ без-

честныхъ качествъ богоотступницы, колдуньи, чародѣйки и другихъ фигуръ, какія инквизиторское властолюбіе и лицемѣрство могло на досугѣ выдумать для обольщенія слабыхъ людей и въ поруганіе Всевышнему Существу.

Бывъ уже близъ несчастной минуты своей смерти, сія жалкая жертва фанатизма и зависти не могла еще вѣрить толико ужаснымъ звѣрствамъ. Чистота ея совѣсти, воспоминаніе заслугъ, живое соучастіе, какое она должна была, какъ надѣялась, внушить либо Королю, которому толь искренно служила, либо Вельможамъ Франціи — свидѣтелямъ великихъ дѣлъ ея: все ласкало ее надеждою; но увы! надежда ее обманула. Несчастная часто повторяла: „о Руанъ! Руанъ! уже ли ты будешь послѣднимъ моимъ жилищемъ?“

Прибывъ на мѣсто казни, Героиня не могла уже сомнѣваться въ своей судьбѣ. При воззрѣніи на погребальныя приготовленія, она упала безъ памяти; пришедъ же наконецъ въ чув-

ство, спросила Епископа Конона, со слезами, и говорила ему, рыдая: „Вы обѣщались привесть меня въ церковь, а вмѣсто того предаете меня врагамъ моимъ!“ . . . Предатель былъ тронутъ сими словами противъ воли; но стыдясь чувствованій, несовмѣстныхъ съ ужаснымъ мщеніемъ, которымъ онъ жаждалъ насытить звѣрское сердце свое — безчеловѣчный сей тотчасъ ихъ заглушилъ и отвратилъ глаза отъ истинной мученицы отечества.

По причинѣ ли злѣйшаго варварства, или чтобъ лучше выставить мученицу на показъ жаднымъ глазамъ враговъ ея, сдѣлали надъ костромъ весьма высокій гипсовый ешафодъ. Сія выдумка была еще ужаснѣе Фаларидовой. Пламя досязало до тѣла ея неровными ходами; она, вмѣсто одного раза, умирала тысячу разъ и претерпѣвала ужаснѣйшія мученія, среди которыхъ произносила истинно съ Ангельскимъ терпѣніемъ: *„о Іисусе! о Царю мой!“*

По окончаніи сей гнусной трагедіи, Кардиналъ Винчестерскій приказалъ бросить въ Сейну прахъ дѣвицы. Увѣряютъ, что палачъ сохранилъ часть онаго и громко говорилъ со слезами: „*Я не вѣрю, чтобы Богъ простилъ мнѣ когда-либо тѣ мученія, какія я причинилъ сей святой дѣвицѣ!*“ —

Г-жа ДОЛЬНУА.

Марія Катерина де Берневиль, Графиня Дольнуа, дочь древняго воина Жюмеля де Берневиль, родилась въ 1660мъ году. Она имѣла ласковый, милый нравъ, глубочайшую проницательность и рѣдкую пріятность въ разговорахъ. О чемъ бы ее ни спрашивали, всегда отвѣчала она съ удивительною точностію и обладала рѣдкимъ талантомъ, самую сухую матерію сдѣлать занимательною, посредствомъ остроумныхъ мыслей и историческихъ замѣчаній, ко-

которыя она употребляла кстати — и потому она была отлично принимаема во всѣхъ отличныхъ Парижскихъ обществахъ. Ея удивительное трудолюбіе доказывается множествомъ ея сочиненій.

Она вышла за-мужъ, неизвѣстно въ которомъ году, за Франциска де Ламотъ, Графа Дольнуа, съ которымъ она прижила четырехъ дочерей, между коими Гжа де Геръ также прославилась въ Литературѣ.

Между сочиненіями Гжи Дольнуа славнѣйшія суть: Приключенія Ипполита Графа Дюгласа, Приключенія Графа Варвика и Повѣсти волшебницъ, въ 4 Томахъ, Путешествіе въ Испанію, Записки Двора Англійскаго и Принцъ де Каренси. Мы выбрали изъ ея путешествія въ Испанію описаніе переправы чрезъ рѣку Анди, которое можетъ показать воображеніе Гжи. Дольнуа.

„Наши лодки были разукрашены разписанными и вызолоченными

флюгерами. Оными управляли дѣвицы, чрезвычайно ловкія и милыя; во всякомъ суднѣ ихъ было по три: двѣ занимали мѣсто гребцовъ, а третья управляла рулемъ."

„Онѣ высокаго роста, тонки, смуглы, имѣютъ удивительные зубы. Черные, какъ гагатъ волоса, переплетенные лентами, разпущены по ихъ плечамъ. На головѣ у нихъ небольшое кисейное покрывало, на коемъ золотомъ и шелкомъ вышиты цвѣты и которое, развѣваясь, опускается на ихъ грудь. Онѣ носятъ золотыя и жемчужныя серьги, коралловыя ожерелья и шелогрѣи съ узкими рукавами. Увѣряю васъ, что онѣ прельстили меня. Говорятъ, что онѣ плаваютъ какъ рыбы и не терпятъ у себя ни мущинъ, ни женщинъ; это родъ республики, въ которую сходятся онѣ со всѣхъ сторонъ и посылаются еще въ дѣтствѣ своими родителями."

„Когда онѣ вознамѣрятся выйти за-мужъ, въ то время ходятъ

къ обѣднѣ въ Фонтарабію, ближайшій городъ. Тамъ молодой человѣкъ можетъ выбрать себѣ жену по произволу — и желающій сдѣлаться супругомъ объявляетъ ея родителямъ о своей склонности, требуя ихъ соизволенія — послѣ чего даютъ знать о семъ дочери; если она согласна: то возвращается въ родительскій домъ, гдѣ и совершается ихъ бракъ."

„Я никогда не видывала такихъ веселыхъ лицъ. Маленькіе ихъ домики вдоль по берегу находятся подъ присмотромъ старыхъ женщинъ, которымъ онѣ повинуются, какъ матерямъ своимъ. Онѣ намъ разсказывали всѣ сіи обстоятельства на отечественномъ языкѣ, и мы ихъ слушали съ удовольствіемъ — какъ вдругъ злой духъ, всегда бодрствующій, поселилъ вражду."

„Мой поваръ, родомъ Гасконецъ, человѣкъ веселаго нрава, какъ и всѣ Гасконцы, сидѣлъ въ одной лодкѣ подлѣ молодой Бискайки. Онъ сказалъ ей, что она очень ему нра-

вился — и, не довольствуясь тѣмъ, хотѣлъ снять съ нее покрывало. Сія насмѣшка раздражила ее, и она, безъ всякихъ околичностей, разшибла ему голову весломъ, лежавшимъ у ногъ ея. Послѣ сего она со страху бросилась въ воду, не смотря на чрезмѣрной холодъ; сначала плыла она довольно скоро; но какъ была она во всемъ своемъ платьѣ и далеко отъ берегу: то силы ея стали ослабѣвать. Многія дѣвицы, находившіяся на берегу, бросились въ свои лодки, чтобы помочь ей. Между тѣмъ оставшіяся въ лодкѣ съ поваромъ, видя опасность своей подруги, бросились на него съ яростію; онѣ рѣшились его утопить: лодка завертѣлась — и два или три раза чуть не опрокинулась. Мы съ своей лодки видѣли сію ссору, и мои люди насилу розняли и успокоили ихъ.“

„Увѣряю васъ, что нескромный Гасконецъ, столь жестоко наказанный, былъ весь въ крови. Наконецъ мы пристали къ берегу и какъ скоро вышли изъ лодокъ: то увидѣли сію дѣ-

вицу, спасенную отъ воды. Она шла на встрѣчу къ намъ съ пятьюдесятью другими, изъ коихъ каждая несла на плечѣ весло. Онѣ тянулись двумя длинными рядами, предшествуемыя тремя дѣвицами, ударявшими очень стройно въ барабанъ. Желавшая говорить со мною приближилась ко мнѣ, и сказавши нѣсколько разъ: *Андріа*, т. е. Сударыня (вотъ все то, что я упомнила изъ ихъ рѣчи), предложила мнѣ, что должно наказать повара, или должно заплатить имъ за испорченное платье. Когда она кончила свою рѣчь: въ то время ударили сильнѣе въ барабаны и подняли крикъ, а другія прекрасныя перевозчицы дѣлали разныя движенія веслами и плясали правильно и довольно приятно."

„Когда мы дали имъ нѣсколько денегъ: то онѣ подняли еще сильнѣйшій крикъ; желали мнѣ щастливаго пути и скораго возвращенія, плясали и били въ барабаны." —

Вотъ описаніе Испанскаго театра:

„Какъ скоро я вошла въ залу, гдѣ представлялась комедія: то услышала громкое восклицаніе: *мира, мира*, то есть, смотри, смотри! Декораціи были не великолѣпны; сцена была поставлена на козлахъ, на которыхъ набросаны доски; окна были открыты; ибо тамъ не употребляютъ свѣчь — и вы сами можете судить, сколько красы отнимаетъ ето у театра. Представляли жизнь Св. Антонія; и когда актеръ что нибудь хорошо выражалъ: въ то время всѣ кричали: виктора, виктора, — такое здѣшнее обыкновеніе! Я примѣтила, что дьяволъ былъ точно такъ одѣтъ, какъ и прочіе, съ тѣмъ только различіемъ, что у него были чуаки огненнаго цвѣта и два рога. Сія комедія, какъ и всѣ прочія, состояла только въ трехъ дѣйствіяхъ. При концѣ всякаго важнаго дѣйствія начинали другое шуточное и смѣшное, гдѣ являлся такъ называемый Граціозо, т. е. шутъ; между многими глупыми словами иногда говорилъ нѣ-

сколько сносныя. Другія дѣйствія были представляемы съ пляскою, при звукѣ арфъ и гитаръ. Актрисы имѣли гремушки и маленькія шляпы на головѣ. Еню у нихъ водится во время ихъ плясокъ. Танцуютъ онѣ съ такою легкостію, что не примѣтно, касаются ли онѣ ногами земли. Танцы ихъ отличны отъ нашихъ. Онѣ болѣе дѣйствовали руками, часто прикладывая руку къ шляпѣ или къ лицу — что не мало придавало пріятности. Онѣ удивительно хорошо звенятъ своими гремушками."

„Наконецъ не думайте, чтобъ актеры малаго города были отличны отъ Мадридскихъ. Мнѣ сказали, что Королевскіе актеры не много получше; но тѣ и другіе играютъ las comedias famosas, самыя лучшія и славнѣйшія комедіи — и въ самомъ дѣлѣ по большой части онѣ очень смѣшны. На примѣръ, когда Св. Антоній говорилъ: confiteor (каюсь) — онъ сіе говорилъ очень часто — тогда всѣ становились на колѣни и говорили mea culpa (грѣшенъ)

такъ грубо, что можно было надорваться отъ смѣху.“

Съ того времени, какъ Гжа Дольнуа сдѣлала сіе описаніе, театръ Испанскій нѣсколько усовершенствованъ; однако онъ еще далеко отсталъ въ своемъ совершенствѣ отъ Французскаго.

Подробности смерти Гжи Дольнуа столь мало извѣстны, какъ и подробности ея жизни. Она скончалась въ Парижѣ въ Январѣ мѣсяцѣ 1705 года и жила 50 лѣтъ.

АННА ДЕ БУЛЕНЪ.

Не дѣлайте никогда другому, чего себѣ не желаете. Сіе изреченіе, долженствующее начертаться въ сердцахъ всѣхъ людей, не признано было тою, о которой мы станемъ повѣствовать. Судьба жестоко ее поразила за сіе — и прахъ сверженной съ престола Царицы былъ опомщенъ.

Анна Булень родилась 1500 года. Отецъ ея былъ Томасъ Булень, Кавалеръ и Кабинетный Казначей Генриха VIII, Короля Англинскаго, а мать Анна Клинстонъ. Достигнувъ 15 лѣтъ, переѣхала она во Францію въ званіи Фрейлины Маріи Принцессы, сестры Генриха VIII, Короля Англинскаго, вышедшей за Людовика XII.

Пребываніе Анны де Булень при Дворѣ Французскомъ еще болѣе разкрыло и возвысило природныя ея прелести.

По возвращеніи ея въ Лондонъ, Генрихъ VIII влюбился въ нее. Кардиналъ Вольсей, которому Государь открылъ свою любовь, вмѣсто того чтобы отвратить его отъ сей гибельной страсти, воспользовался оною для политическихъ своихъ видовъ.

Государь, предавшись слѣпо коварнымъ совѣтамъ хитраго Царедворца, пожаловалъ отца де Булень Барономъ, а ее самую помѣстилъ во Фрейлины къ Королевѣ Екатеринѣ, своей супругѣ. Съ объявленіемъ сей милости,

онъ написалъ своеручное письмо, въ которомъ открылъ ей чувства свои. Анна тотчасъ отдала Королевское письмо своему отцу, который, для личныхъ выгодъ, вмѣняя ни во что честь дочери своей, склонилъ ее покориться волѣ Монарха.

Екатерина предчувствовала несчастія, долженствовавшія произойти отъ вступленія Анны Булень къ ея Двору. Она употребляла всѣ средства, для отвращенія соперницы своей отъ новой ея должности; но упорство Королевы и хитрое сопротивленіе дѣвицы Булень усугубили страсть въ Королѣ. Однажды спрашивалъ онъ у прелестной своей любовницы о причинѣ ея суровости; она отвѣчала, что если онъ любитъ ее истинно: то не трудно ему развестись съ Королевой и жениться на ней. Король въ самомъ дѣлѣ, вопреки священнѣйшимъ узамъ брака, вознамѣрился свергнуть супругу свою съ престола, а возвести на оной чесполюбивую свою любовницу; Карди-

нялу Вольсею опять поручено было исходатайствовать у Римскаго Двора разводъ Королю.

Въ сіе самое время моровая язва опустошала городъ Лондонъ. Король съ любовницею уѣхалъ въ загородный домъ, а Королеву оставилъ въ городѣ. Между тѣмъ Папу просили о разводѣ; но онъ, видѣвши недавно Римъ разоренным отъ Карла V, племянника Екатерины, и самъ едва только освободясь отъ девяти-мѣсячнаго заключенія, боялся оскорбить сего Государя согласіемъ на требованіе Генриха. Но сему политика его требовала, сколько можно, продлить сіе дѣло. На сей конецъ послалъ онъ въ Англію стараго, одержимаго подагрою Кардинала, который только отъ Рима до Парижа ѣхалъ болѣе девяти мѣсяцовъ.

Анна де Буленъ, горя нетерпѣніемъ, писала къ Вольсею самыя убѣдительныя письма; а Король, огорченъ будучи медленностію сего Прелата, ли-

шилъ его всѣхъ должностей и доходовъ, и самого сослалъ въ Ашери.

Несчастная Екатерина имѣла тожмо съ своей стороны людей, которыхъ одобреніе хотя лестно, но усердіе ихъ было безплодно, т. е. людей честныхъ; а за Короля стояли всѣ льстецы, которые при Дворѣ Государя безчисленны. Раздраженъ будучи сопротивленіемъ Папы, онъ посылалъ къ нему въ 1530 году Посла за Посломъ; но Глава Каполической Церкви, который, при коронованіи Карла V въ Булони, далъ ему обѣщаніе никогда не соглашаться на требованіе Англинскаго Короля, нашелъ еще средство къ замедленію. Тогда Генрихъ рѣшился собрать Парламентъ, въ коемъ горько жаловался на несправедливость Римскаго Двора и нарушеніе древнихъ Королевскихъ правъ. Въ то же время духовенство имѣло также общее засѣданіе. Депутаты Кантонберскіе, по наущенію Короля, подали голосъ о возложеніи на него новаго титула — защитника и покровителя Гал-

ликанской церкви. Одни Іоркскіе Депутаты воспротивились сему предложенію; но угрозы и улещенія вскорѣ побѣдили всѣ сіи препятствія: Генрихъ единогласно отъ всего духовенства признанъ былъ Главою Англиканской Церкви.

Сдѣлавъ первый шагъ сей, Англинское духовенство возмнило, что имѣетъ право совершить разводъ Короля, который вскорѣ и былъ подписанъ. Екатерина напрасно взывала ко Двору Римскому. Генрихъ объявилъ, что всѣ связи его съ нею рушатся, и далъ ей на произволъ выбрать для себя мѣстопребываніе въ его Государствѣ.

Между тѣмъ воззваніе Екатерины къ Римскому Двору послужило поводомъ къ политическимъ предпріятіямъ. Анна Булень употребляла всѣ средства, какія только можетъ изобрѣсти прекрасная и хитрая женщина, чтобы склонить духовенство на свою сторону. Король, въ вознагражденіе за

долговременное ожиданіе, подариль ей Маркизство Пимброкь, великолѣпный дворецъ и даль придворныхъ гораздо болѣе, нежели сколько было у Принцессъ Крови. Наконецъ, склонясь на убѣжденіе Франциска I, обѣщавшагося во всемъ его поддерживать, онъ тайно сочетался бракомъ съ своею любовницею. При бракосочетаніи присутствовали только нѣсколько изъ преданнѣйшихъ Королю особъ.

Хотя и увѣряли Генриха, что, для испроверженія брака его съ Екатериною, достаточно было голосовъ Канониковъ, Богослововъ и Сунода; со всѣмъ тѣмъ онъ хотѣлъ получить согласіе Папы и не переставалъ дѣлать ему новыя предложенія. Между тѣмъ новая его супруга сдѣлалась беременна; онъ рѣшился тайный бракъ свой обнародовать. На сей конецъ собранъ былъ новый Сунодъ, и всѣ духовныя особы изъ всего Государства, присягнувъ ему такъ точно, какъ Папѣ, объявили бракъ его съ Екатериною вовсе уничтоженнымъ. Но Папа

къ то же время отрѣшилъ отъ церкви Епископа Кантерберскаго и опровергъ положеніе Англинскаго духовенства. Императорскій Посолъ поощрялъ владѣльцевъ Христіанскихъ ополчиться противъ Генриха, какъ явнаго нарушителя священныхъ правъ Церкви; но Генрихъ смѣялся всѣмъ симъ угрозамъ и приказалъ провозгласить бракъ свой при звукѣ трубъ.

Новая Королева вступила торжественно во Дворецъ Вестъ-Гальской, и угрожала Екатеринѣ, лишить дочь ея Марію наслѣдственнаго права, если она не захочетъ отказаться отъ титула Королевы.

Спустя нѣсколько мѣсяцевъ, Анна Булень, при великолѣпнѣйшемъ торжествѣ, коронована была на царство. Народъ, повсюду жадный къ новостямъ, извѣщалъ ей свою радость. 8-го Сентября, 1533 года, родила она дочь, Елисавету.

Между тѣмъ Папа Павелъ III отрѣшилъ отъ церкви Генриха; но сей тотчасъ собралъ Парламентъ,

который уничтожилъ всю власть верховнаго владыки надъ Англичанами. Генрихъ сдѣлался главою Церкви; предвидя же, что все сіе воспламенитъ ссору между имъ, Римскимъ Дворомъ и Императоромъ, онъ описалъ въ казну всѣ имѣнія, принадлежащія Папскому духовенству, и велѣлъ перевѣшать всѣхъ тѣхъ, кои не согласятся признавать его главою Галликанской Церкви Насытивъ мщеніе свое, онъ обратилъ его опять на Екатерину, отлучилъ отъ нее всѣхъ преданныхъ ей людей, а остальнымъ приказалъ называть ее Принцессою Галльскою. Несчастная Королева желала остаться лучше безъ всякой услуги, нежели лишиться шинула, отъ котораго никогда не отказывалась. Скорбь разстроила ея здоровье: она опасно занемогла. Тогда человѣколюбіе пробудилось въ душѣ Короля; онъ приказалъ Герцогу Суффольку, содержавшему ее подъ стражей, доставлять ей все нужное.

Не смотря на счастіе свое, если можно наслаждаться имъ

съ порочною совѣстію, Анна внутренно мучилась. Она, горя желаніемъ едѣлать дочь свою наслѣдницею, не знала, какимъ способомъ отрѣшить отъ законныхъ правъ Принцессу Марію. Наконецъ, изыскивая различныя средства, остановилась она на томъ, чтобъ объявить Королю ложное пророчество. Для сего пришла къ супругу въ слезахъ и объявила ему причину своей печали. Государь сей, будучи столь же жестокъ, какъ и суевѣренъ, далъ ей обѣщаніе не только лишить Марію наслѣдства, но и умертвить ее. Однако же послѣ оставилъ онъ ужасное намѣреніе, чтобъ ее отравить, а объявилъ только народу, что дѣлаетъ по себѣ наслѣдницею дочь свою Елисавету.

Екатерина, снѣдаемая грустію, умерла отъ лютой колики, 3 Января, 1536. За два дни до смерти писала она къ супругу письмо, исполненное нѣжности; однакожъ сно не подѣйствовало, Король не изъявилъ состраданія и приказалъ похоронить ее безъ всякой пышности въ Петер-

борутѣ. Анна Булень не могла утаить своей радости; но радость ея была краткa; счастіе ея померкло; буря разразилась надъ главой ея. Генрихъ, показавшійся въ первыя минуты нечувствительнымъ, чрезъ нѣсколько времени началъ горько оплакивать смерть Екатерины. Онъ раскаявался въ своей жестокости: очаровательная завѣса съ очей его спала. Анна Булень уже не плѣняла его — Анна Сеймуръ заняла ея мѣсто въ его сердцѣ. Королева вскорѣ замѣтила перемѣну въ своемъ супругѣ и полагая единственною сему причиною то, что дважды родила мертвыхъ сыновей, рѣшилась, во чтобъ то ни стало, исправить сію неудачу. Для сего вдалась она въ любовныя сѣти.

Король обо всемъ былъ увѣдомленъ, и однажды примѣтивъ, что она глядѣла страстными глазами на брата его, Барона Нориса, которому однажды въ игрѣ бросила свой платокъ, онъ вознамѣрился ей отмстить и приказалъ посадить ее тайно въ башню.

Въ самой день ея заключенія Король собралъ двенадцать судей, изъ которыми Президентомъ былъ Герцогъ Суффолькъ. Засѣданіе происходило въ башнѣ. Королева явилась предъ судей. Сначала ее оправдали; но Суффолькъ принудилъ судей подать голоса въ другой разъ, и тогда осудили ее на смерть за то, что, по собственному ея признанію, обѣщалась она выйти за-мужъ за Нориса, по смерти Короля. Ешафодъ былъ сооруженъ въ одной башнѣ. Идя на казнь, она на колѣняхъ просила Коменданшу итти къ Принцессѣ Маріи съ тѣмъ, чтобъ испросить ей прощеніе во всѣхъ причиненныхъ ею обидахъ. Она просила о томъ также и всѣхъ предстоящихъ. Потомъ взошла она на ешафодъ (*); но увидя, что

(*) Одежда на ней была самая пышная и богатая. Увѣряя въ своей невинности, она ни мало не сѣтовала на Короля.

Въ Сициліи есть преданіе, что будто Анна Булень, за обращеніе Англинскаго Короля къ Ереси, осуждена вѣчно горѣть въ Етнѣ. П. П.

нѣкоторыя женщины надъ нею смѣялись, обращясь къ нимъ, сказала: „На зло ваше, я умираю Королевою.“ Тѣло ея погребли въ башнѣ. Удивительно то, что она вовсе не воспомянула о дочери своей Елисаветѣ, которую Король приказалъ привести къ ней, если она пожелаетъ.

Не льзя совершенно опредѣлить, была ли Анна Булень преступницею, или только безразсудною женщиною, сдѣлавшись Королевою. Но еслибъ честолюбіе не довело ее до употребленія во зло власти, какую имѣла она надъ Генрихомъ; еслибъ не сдѣлала она его вѣроломнымъ супругомъ и безчеловѣчнымъ отцемъ: то участь ея конечно была бы не столь плачевна. Человѣкъ чувствительный пожалѣетъ объ ней, какъ о жертвѣ страстей и честолюбія.

МАРГАРИТА ВАЛДЕМАРЪ.

Маргарита Валдемаръ, Королева Датская, Норвежская и Шведская, родилась въ 1353 году. Отецъ ея Валдемаръ былъ Король Датскій. Между всѣми вѣнценосными женами Маргарита, по справедливости, заслуживаетъ первое мѣсто благоразумiемъ своимъ, мудрою политикою, твердостію духа и неустрашимостію. Она увѣнчала себя коронами Норвегіи, Швеціи и Даніи и заслужила наименованіе Сѣверной Семирамиды.

Маргарита сочеталась бракомъ съ Гакиномъ, Королемъ Норвежскимъ, сыномъ Магнуса, Короля Шведскаго. По истеченіи двухъ лѣтъ, Гакинъ умеръ, оставя по себѣ сына Олая. Государственные Чины поручили правленіе Маргаритѣ до совершеннолѣтія ея сына. Королева, воспользовавшись данною ей властію, привлекла на свою сторону всѣхъ знатнѣйшихъ особъ Государства, завладѣла крѣпостями и войсками. Вскорѣ возна-

граждена
свои : Ола
махъ — и
ные ея в
Королевою.

Въ то
и такъ с
Маргарита
Данію, дл
сего Госу
бургской,
Ингельбург
гаритиной,
на Датскій
по праву зя
предпочтен
слы сей Ко
несли ее п
признало е
рода Да
Норвегіи в

Не упус
го относит
и въ распр
прозорливы
за всѣмъ,

граждена она была сугубо за труды свои: Олай умерь въ юношескихъ лѣтахъ — и Норвежцы, заранѣе связанные ея властію, избрали ее своею Королевою.

Въ тотъ же годъ умерь Валдемаръ; и такъ онъ оставался бездѣтенъ, Маргарита отправила Пословъ въ Данію, для испрошенія себѣ короны сего Государства. Генрихъ Мекельбургской, братъ Альбертовъ, супругъ Ингельбурги, старшей сестры Маргаритиной, также объявилъ права свои на Датскій престолъ. Онъ надѣялся, по праву зятя покойнаго Короля, быть предпочтеннымъ Маргаритѣ; но Послы сей Королевы столь много превознесли ее похвалами, что все собраніе признало ее Государынею. Гласъ народа Датскаго призвалъ ее изъ Норвегіи въ Копенгагенъ.

Не упуская изъ виду ничего, могущаго относиться ко благу ея подданныхъ и къ распространенію ея Государства, прозорливымъ окомъ надзирала она за всѣмъ, что происходило въ Шве-

ціи, привязывая къ себѣ знатнѣйшихъ особъ того Государства. Альбертъ II, сынъ Герцога Мекельбургскаго, былъ грознымъ властителемъ Швеціи. Наполнивъ все Государство свое чужеземными войсками, и обременяя народъ свой чрезмѣрными налогами, старался онъ еще унизить Сенатъ и ослабить власть Дворянства и Духовенства. Дворъ Маргариты сдѣлался гостепріимнымъ пристанищемъ для всѣхъ недовольныхъ Шведовъ. Покровительница гонимыхъ получила должную награду: Шведы взбунтовались и, поднявъ оружіе противъ Государя своего, провозгласили Маргариту въ военномъ станѣ своею Государынею. Извѣстясь о семъ, Маргарита двинулась съ войсками своими для подкрѣпленія недовольныхъ. Альбертъ съ своей стороны вывелъ многочисленное войско, въ которомъ находились полки союзныхъ ему Нѣмецкихъ Принцевъ одного съ нимъ Дома. Ополченія встрѣтились при Фалкопингѣ. Албертовы войска побиты были на

голову, и с
ніемъ своимъ
приверженца
Ето произ
чить войну
кельбургскаг
продолжали
лѣнъ. Нако
ла Альберта
вѣмъ, чтобы
онъ короны.
вѣе — и Ма
столъ Шве
щенные пра
опасаясь, чт
ими сынъ е
ваній своихъ
ню утвердил
годнымъ бра
рыня сія, н
пругомъ влас
не огорчить
назначить на

Для пр
ны наслѣдни
дѣлахъ прав

голову, и самъ онъ, вмѣстѣ съ сыномъ своимъ Ерихомъ и знатнѣйшими приверженцами, достался въ плѣнъ. Его произшествіе должно бы окончить войну; но Принцы дома Мекленбургскаго, набравъ новыя войска, продолжали войну въ теченіи семи лѣтъ. Наконецъ Маргарита освободила Альберта и сына его съ тѣмъ условіемъ, чтобы они отказались навсегда отъ короны. Альбертъ принялъ условіе — и Маргарита взошла на престолъ Шведской. Шведы, возхищенные правленіемъ Маргариты, и опасаясь, чтобы по смерти ея Альбертъ, или сынъ его не возобновили требованій своихъ, умоляли сію Государыню утвердить щастіе отечества выгоднымъ бракосочетаніемъ; но Государыня сія, не желая раздѣлять съ супругомъ власти своей, также, чтобы не огорчить народа своего, рѣшилась назначить наслѣдника.

Для предупрежденія со стороны наслѣдника помѣшательствъ въ дѣлахъ правленія, выбранъ онъ еще

былъ во младенчествѣ. Наслѣдникъ сей былъ племянникъ, сынъ старшей ея сестры Ингелбурги, и онъ-то назначенъ былъ преемникомъ трехъ Коронъ. Маргарита, призвавъ къ себѣ своего племянника, назвала его Ерихомъ. Имя сіе принадлежало прежде двенадцати Шведскимъ Королямъ.

Въ то самое время Норвегія, Швеція и Данія, извѣстныя подъ именемъ Скандинавіи, управлялись одинаковымъ образомъ: во всѣхъ трехъ Державахъ правленіе было избирательное. Въ каждомъ народѣ былъ Сенатъ, безъ согласія котораго Государь не имѣлъ права ни на что рѣшиться. Королева, желая освободить себя отъ сей обязанности, старалась увеличить число приверженцевъ своихъ; потомъ созвала государственный Сеймъ въ Колмарѣ, что въ Швеціи. Убѣдительною, исполненною ума и витійствареѣчью Маргарита склонила повѣренныхъ къ соединенію во едино трехъ народовъ, къ правленію которыхъ, по смерти ея, назначенъ былъ Ерихъ.

Маргарита, достигнувъ всѣхъ своихъ желаній, старалась водворить миръ и благоденствіе во всѣхъ трехъ подвластныхъ ей Державахъ; во все ея царствованіе нигдѣ не возникало пламя мятежа: взаимное согласіе соединяло Дворянство, Духовенство и народъ. Какъ прискорбно, что Ерихъ не наслѣдовалъ мудрости сей Государыни! Чрезъ легкомысленность и жестокость свою лишился онъ Шведской короны, посѣявъ сѣмяна раздоровъ, возмущавшихъ Государство сіе въ теченіи 250 лѣтъ.

Маргарита Валдемаръ умерла въ городѣ Фленсбургѣ, Герцогства Шлезвигскаго, 59 лѣтъ отъ роду.

Конецъ первой Части.

ОГЛ

пер

I. Семира
II. Сафо.
III. Лукрец
IV. Клеопа
V. Агрипп
VI. Фреде
VII. Елоиза
VIII. Лаура.
IX. Бланка
X. Катер
XI. Христ
XII. Г-жа
XIII. Анна
XIV. Жанна
XV. Г-жа
XVI. Анна

ОГЛАВЛЕНІЕ

первой Части.

	Стран.
I. Семирамида. - -	3
II. Сафо. - - - -	17
III. Лукреція. - - -	19
IV. Клеопатра. - - -	26
V. Агриппина. - - -	38
VI. Фредегонда. - - -	46
VII. Елоиза. - - - -	55
VIII. Лаура. - - - -	70
IX. Бланка Кастильская. -	84
X. Катерина де Парпеней. -	94
XI. Христина Пизанъ. - -	98
XII. Г-жа Сюрвилль. - -	104
XIII. Анна Бретанская. - -	105
XIV. Жанна Аркская. - -	116
XV. Г-жа Дольнуа. - -	153
XVI. Анна Булень. - - -	161

ПЛ

ДЛЯ ПРЕ

ЖИЗНЕОПИСА
НЫХЪЖЕНЪ
И НО

Сочин.

Ч

Изд

М

Въ Университе